

Валерий Сенин

ПОХОЖДЕНИЯ

красавца-мужчины,
или Сага об О'Бухаре

Валерий Сенин
Похождения красавца-
мужчины, или Сага об О'Бухаре

издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166786

Похождения красавца-мужчины, или Сага об О' Бухаре: Институт сомнологии; 2004

ISBN 5-9637-0001-9

Аннотация

Книга петербургского писателя Валерия Сенина «Похождения красавца-мужчины, или Сага об О'Бухаре», ставшая победителем конкурса «Русский озорной роман-2004» – это забавные и смешные приключения чудаковатого героя, наивного и открытого душой, любителя и любимца женщин, не унывающего ни при каких обстоятельствах, словом, «восхищенного жизнью мужчины в расцвете сил». Написанная в шутливой и вольной форме, приправленная афоризмами и байками, эта книга заставит улыбнуться даже самого сдержанного читателя.

Содержание

Вступление от предполагаемого автора	4
ЧАСТЬ I. СЛУХИ И МИФЫ	5
ЧАСТЬ II. ИГРА НА СЕКСОФОНЕ	19
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Валерий Сенин

ПОХОЖДЕНИЯ КРАСАВЦА- МУЖЧИНЫ, ИЛИ САГА ОБ О'БУХАРЕ

Вступление от предполагаемого автора

Эту рукопись я свистнул у литератора Иванова. Тот в свою очередь стащил ее у литератора Петрова. Литератор Петров стырил ее у литератора Сидорова. Сидоров, негодяй, спер ее у меня. А я свистнул ее у литератора Иванова. Кто же истинный ее автор – неизвестно, но это не имеет значения. Имеет значение ее ценность. И именно поэтому на рукопись претендовало четыре человека: Иванов, Петров, Сидоров и я. Мне повезло больше остальных, я сумел издать ее под своей фамилией. После этого события оскорбившиеся Иванов, Петров, Сидоров поочередно вызывали меня на дуэль.

С Ивановым мы дрались увесистыми томами Льва Толстого «Война и Мир». Мы остервенело колотили друг друга по плечам, по рукам, по спинам и по головам, бегая вокруг Ростральных колонн. Из наших костюмов вылетала пыль, из волос на головах – перхоть, а из ртов – ругательства. Победили подбежавшие милиционеры, которые отобрали у нас с Ивановым все карманные деньги. А наши секунданты – Петров и Сидоров – негодяи, стояли неподалеку, ржали /смеялись/ и делали вид, будто ничего не видят.

С Петровым мы дрались на следующий день, у Петропавловской крепости, баскетбольными мячами. Каждый старался попасть в лицо противника. После двух часов сражения наши лица стали красными, как мячи, которыми мы сражались. Победил Иванов, который был моим секундантом. Он, негодяй, начал слишком усердно пить общее пиво, и мы, забыв о дуэли, побежали ему помогать.

С Сидоровым мы дрались у станции метро «Лесной проспект» букетами цветов. Все было бы на высоком уровне, но цветы быстро выходили из строя, и нашим секундантам, Иванову и Петрову, приходилось покупать новые букеты каждые пятнадцать минут. Через час после начала дуэли у секундантов закончились деньги. Измочалив последние розы о физиономии друг друга, уставшие, исцарапанные, но не сломленные и даже довольные, мы все вчетвером поехали ко мне на квартиру выпить и закусить за выход книги под моей фамилией.

Раздвоение личности называют шизофренией. Значит, мое расчленение личности – шизофрения в квадрате. Выходит, я квадратный шизофреник. Но стоит мне выпить двести граммов водки – Иванов – Петров – Сидоров исчезают, и я становлюсь свободным!

ЧАСТЬ I. СЛУХИ И МИФЫ

Говорят, когда О'Бухарь родился, в родильный дом пришла богиня любви Афродита, она поцеловала малыша ниже пупка и сказала: «Он будет моим». После ее ухода пришел пьяненький бог вина Дионис, поцеловал малыша в лобик и тоже сказал: «Он будет моим». И с тех пор О'Бухарь слуга двух господ: его голова постоянно занята поисками вина, а его «меч» — поисками «ножен».

Ходят слухи, будто бы О'Бухарь родился с усами и в тельняшке, медработники этого даже не заметили, потому что торопились отметить Новый Год.

Говорят, мужчиной О'Бухарь стал в старшей группе детского сада, на спор.

Говорят, в школьные годы О'Бухарь запросто мог доплюнуть с первого этажа до второго, а если при споре присутствовали девочки, то и до третьего.

Говорят, один глоток О'Бухаря равен бутылке вина.

Говорят, О'Бухарь пробегал стометровку за восемь секунд, если опаздывал на свидание, и за девять секунд, если опаздывал на пьянку.

Говорят, О'Бухарь обожал приход весны, также он обожал приход лета, приход осени, приход зимы. И когда приходила очередная весна, О'Бухарь приглашал в свой дом гостей, и первый его тост звучал всегда одинаково: «Еще один круг обожания замкнулся и, восходя на следующую ступень жизни, я всеми силами своими хочу обожать».

Говорят, О'Бухарь очень любил поесть, также как и попить винца, также как и поласкаться с какой-нибудь сладкой женщиной. И, что очень любопытно, он никогда не мог наесться досыта, напиться допьяна, наласкаться до отвращения, ему всегда хотелось продолжать еще. И ненасытностью этой он выделялся из толпы людской. Он с таким аппетитом ел, что взглянув на это, тут же хотелось поесть. Пил он с такой страстью, что глядя на это трудно было не выпить, а сексом О'Бухарь занимался с такой энергией и красотой, что делай он это днем на Невском проспекте, большинство прохожих не смогли бы удержаться от искушения сделать то же самое.

Говорят, О'Бухарь не любил боевые патроны и болтливых политиков. Поэтому от него часто можно было услышать: «Патроны должны быть холостыми, а политики — немými».

Говорят, О'Бухарь настолько силен в сексуальном отношении, что когда он этим занимается, никто из его партнеров не может промолчать: женщины пищат, мужчины рычат, собаки воют, а змеи заливаются соловьями.

Говорят, внешне О'Бухарь был очень похож на российского царя Александра I, и если бы царь отрастил пышные усы, надел джинсы, кроссовки, кожаную куртку и закурил папиросу «Беломорканал», то все знакомые О'Бухаря и царя не смогли бы при внешнем осмотре точно определить, где царь, а где О'Бухарь.

Говорят, никто не слышал, как О'Бухарь играет на скрипке, также никто не слышал его игры на фортепьяно, на флейте, на барабане... и на других музыкальных инструментах, потому что он этого не умел.

Говорят, у О'Бухаря жил говорящий попугай, прозванный Бахусом, потому что любил выпить не меньше хозяина. О'Бухарь, зная о чудной привычке попугая, старался не оставлять его без выпивки, но если такое случалось, то Бахус орал писклявым голоском на всю квартиру: «Выпить надо хорошо, чтобы стало плохо! Дай водки, сволочь! Дай водки!»

Говорят, О'Бухарь не любил дурное настроение, беременных мужчин, небо в клетку и некрасивых женщин, хотя некрасивых женщин в своей жизни он не встречал ни разу.

Говорят, О'Бухарь не уважал скупых людей, потому что сам был щедрым человеком и с удовольствием «сорил» деньгами, хотя своих денег у него, как правило, не было.

Говорят, О'Бухарь не уважал девственников, считая, что девственность мешает свободе сексуального творчества, хотя девственников в его богатой сексуальными приключениями жизни ему не попадалось, и самому себе он признавался, что девственность – это выдумки импотентов.

Говорят, немногие понимали юмор О'Бухаря, и когда он говорил: «Не бейте лежачего, лучше его общите», – то смеялся, как правило, один О'Бухарь.

Рассказывают, что когда О'Бухарь еще служил в торговом флоте, его, сильно пьяного, смыло волной за борт. Через месяц другое судно подобрало его с поверхности моря, О'Бухарь был сильно пьян, весь облеплен чешуей (рыбьей) и совершенно не выглядел потерпевшим, а улыбался он так довольнo, словно только что вышел из публичного дома или кабака.

Говорят, О'Бухарь запросто мог перепутать Пушкина с Лермонтовым, или Достоевского с Гоголем, но он никогда не путал портвейн с вермутом, иди джин с водкой.

Говорят, если О'Бухарь пел песни, то его соседи без труда могли определить количество алкоголя, употребленного им. Как правило, после первого стакана исполнялся романс «Я вас любил», после второго – «Ты ж мене пидманула», после третьего – «Врагу не сдается наш гордый Варяг»... после двадцать первого бас О'Бухаря рокотал: «Очко!» и начиналось исполнение песен на языках малых народов мира под аккомпанемент бьющихся стаканов, тарелок, ломающихся о стены стульев, падающих на пол шкафов, тумбочек и сервантов, затем кот О'Бухаря верещал: «Надоело, блин!» и концерт заканчивался.

Говорят, если О'Бухаря разозлить, то он мог намять бока кому угодно. Еще до призыва в армию с ним боялись драться, потому что потом большинству приходилось долго лечиться. Природа не обидела его ни силой, ни смекалкой, ни выносливостью. Чем больше противников выходило против него, тем яростнее он бился. Боец от бога – говорили о нем инструкторы рукопашного боя в армии. Русский Марс, хмелеющий от битвы, дерущийся ради драки. И быть бы ему звездой спец-войск, если бы Фортуна не повернулась к нему задом.

В один из метельных зимних дней, когда О'Бухарь, охраняя склад дожидался смены караула, – пьяненький хиленький стройбатовец подкрался сзади и ударил по голове-головушке куском арматуры, и забрал у оглушенного здоровяка штык-нож, потому что свой был пропит в увольнении, а без штык-ножа стройбатовцу нельзя было появляться в своей части,

поскольку прибили бы до смерти сержанты-шкуродеры. А О'Бухарь очнулся через неделю в госпитале и провалялся там целых полгода, быстренько превратившись на скудных госпитальных харчах из богатыря в доходягу. И здесь заканчивается его военная карьера, потому что армии доходяги не нужны.

Говорят, будто исключительно женщины вывели О'Бухаря из лабиринта болезней к нормальной, привычной большинству людей жизни. И действительно, когда Александр валялся в армейском госпитале, только медсестра Наденька, влюбленная в него, вытолкнула из его мозгов образ Минотавра, который вселился в больного сразу после ранения в армии. Ни уколы, ни гипноз, ни могучие знания медицинских светил не смогли победить /изгнать/ это чудовище. Наденька всего только один раз заглянула в полные обиды и недоумения глаза Минотавра, увидела там солнечные блики, и заговорила с Минотавром на языке влюбленных, который неслышим для окружающих. И за две недели разговоров обо всем и ни о чем Минотавр превратился в Александра, а через два месяца Наденька стала его первой женой.

Говорят, когда О'Бухарь женился первый раз, он носил розовые очки, во второй раз очки были голубыми, в третий – зелеными... в двадцать первый – черными. Больше О'Бухарь не женился.

Говорят, О'Бухарь не мог нормально жить без ежедневного секса. Воздержание угнетало и раздражало его. И, как любой неудовлетворенный человек, он становился вспыльчивым, обидчивым и крикливым. Естественно, это не нравилось и окружающим, и самому О'Бухарю. Как правило, с ежедневным сексом проблем не было, потому что женщины обожали О'Бухаря, так же как и он их. Но жизнь иногда забрасывала его в такие места, где женщин не было, а за секс с мужчинами могли наказать. Именно такая ситуация постоянно складывалась, когда О'Бухарь служил в торговом флоте. И чтобы решить эту проблему он однажды очень постарался и купил за бешеные деньги дефицитную в то время надувную резиновую сексуклу, которая хоть и была жалким подобием живой женщины, но это подобие облегчало жизнь здорового мужика, оторванного на несколько месяцев от женской плоти.

О'Бухарь о своей резиновой подружке никому на корабле не рассказывал, потому что был в этом отношении эгоистом. Но кто-то случайно узнал об этой чудо-игрушке, и в то время когда О'Бухарь нес вахту, вся команда сухогруза по очереди навещала его каюту, отдать честь резиновой милашке. Это приключение так бы и осталось тайной для О'Бухаря, если бы не гонорея, которую подхватила вся команда, кроме боцмана, никогда не забывавшего о презервативах при посещении чужих женщин. А когда симптомы болезни появились у О'Бухаря, то сухогруз в течении двух часов сотрясали различные нецензурные выражения, адресованные О'Бухарем через мегафон неизвестному обидчику и резиновой подружке, которую он от обиды и ревности вышвырнул за борт.

Рассказывают, когда О'Бухаря списали с флота по состоянию здоровья на берег, – он долго не мог определиться и пристроиться в сухопутной жизни. Специальностей у него было много, мозгов в голове хватало и руки были умелыми, на работу его принимали охотно, но везде он очень скоро начинал тосковать, не чувствуя радости от своего труда. А подобные люди редко бывают приятными для окружающих. Сменив множество работ, О'Бухарь однажды попробовал себя внештатным инспектором милиции, и работа ему так сильно понравилась, что целых два года никакие силы не смогли согнать его с этого места. Да и прогонять-то никто особенно не пытался: какой же дурак добровольно пойдет работать внештатным сотрудником, которому и денег почти не платят и льгот особых не положено. Само

название «внештатный» уже говорит о том, что к штату милиционеров данный фантом отношения не имеет, но его терпят, потому что в бумагах определено его существование. И это существование, конечно же, придумала какая-то канцелярская крыса, которая в основном мыслит теоретическими категориями, и что такое практика знает тоже теоретически. Но О'Бухаря эта неопределенность неожиданно устроила. Он целых два года чувствовал себя на своем месте.

Говорят, давая оценку своему сильно пьяному состоянию, О'Бухарь говорил: «Напился до изумления». Изумленный О'Бухарь напоминал загулявшего артиста разговорного жанра. Он много говорил, был очень деятельным и шустрым, трудно было устоять и не подчиниться его обаятельному напору. К примеру, если он добивался благосклонности понравившейся ему женщины, то, как правило, женщина быстро сдавалась и починалась ему. Несомненно дух Дон Жуана нисходил на О'Бухаря, и он, вдохновленный, сильный и красивый в эти мгновения, плел вокруг женщины паутину из комплиментов, стихов, обещаний, признаний, клятв, песен, случайных прикосновений, легких поглаживаний, и все попадало в цель без промаха. Очарованная женщина еще час назад не знаящая О'Бухаря, вдруг начинала ощущать, что наконец-то встретила того единственного и неповторимого мужчину, которого она искала всю свою сознательную жизнь. И радость от этой встречи отбрасывала недоверие. Раскрепощенная женщина уже сама пела, обещала, признавалась, клялась, читала стихи, на ласки отвечала лаской. И, отдаваясь О'Бухарю, она была счастлива. И пусть это счастье было мимолетным, но оно было, потому что это были такая выдающаяся ночь и такой выдающийся час, которые будут вспоминаться с улыбкой умиления до конца жизни.

Говорят, О'Бухарь любил ходить в театр, на балет. Обычно он брал билеты в первый ряд партера. И весь спектакль не отрывал от глаз большой морской бинокль, каждые пять минут выкрикивая: «Браво, кисуля, браво!» Иногда ему делали замечания, но это мало помогало, поскольку видел О'Бухарь такие чудесно-сладостные местности, что не слышал ничего вокруг, а весь целиком был там, среди возбуждающе мелькающих чулочков, подвязочек, трусиков. И самым упоительным было то, что музыка усиливала все ощущения до предела, а венцом всех пределов был оргазм.

Говорят, О'Бухарь был очень упорным человеком и, как правило, добивался своего в достижении цели, если цель была достижимой. Часто цель оказывалась такой труднодоступной, что все старания О'Бухаря приводили его не к тому результату, которого он хотел. К примеру, он длительное время пытался научить курить своего черного кота Боцмана. Коту настолько осточертела эта ежедневная муштра в течение года, что в один прекрасный момент он начал материться не хуже О'Бухаря, несмотря на свою интеллигентность. Матерящийся кот поразил О'Бухаря. Он мгновенно протрезвел и кота с курением больше не доставал.

Рассказывают, что как-то во время охоты на волков, О'Бухарь провалился в волчью яму, которую сам выкопал и замаскировал днем раньше. Он был так взбешен невезением, что когда сразу вслед за ним туда упал здоровенный матерый волчище, О'Бухарь заорал громовым басом: «Куда прешь, сволочь, не видишь, занято!» и, схватив ошарашенного волка богатырскими ручищами, выкинул его из ямы. В это время знакомый О'Бухаря с ружьем наперевес подбегал к яме. Волк, вылетевший из ямы со словами: «Куда прешь, сволочь, не видишь, занято!» так сильно смутил бывалого охотника, что тот, бросив ружье, убежал и с тех пор больше не охотился. А О'Бухарь выбрался из ямы при помощи ножа, не обнаружив напарника, всласть поматерился, подобрал ружьишко и пропил его в ближайшем магазине.

Говорят, однажды «изумленный» после литра водки О'Бухарь умудрился прыгнуть из самолета за чертой Петербурга, а приземлился прямо на крейсер «Аврора». Каким ветром принесло О'Бухаря, одному богу известно, причем приземление прошло не совсем удачно: парашют зацепился за мачту и спортсмен, не долетев до палубы трех метров, завис, матерясь над десятком арабских туристов, которые тут же защелкали фотоаппаратами. В это время О'Бухарь начал трезветь. Последнее, что он запомнил перед «изумлением», было то, что они с участковым инспектором Пшеничным выпили оставшиеся двести граммов пшеничной водки за фамилию участкового и пошли в соседний дом – гнать из подвала загулявших бомжей, отмечавших день рождения колбасы: на бомжей нажаловался кто-то из официальных жителей дома.

Бомжи уже успели солидно выпить, поэтому появление милиционеров их не успокоило, а разъярило. А кто может быть противнее разъяренных пьяных бомжей? Естественно, О'Бухарь тоже завелся, разъярился и стал доставать из кобуры газовый пистолет. Но тут О'Бухарь отключился и пришел в себя в трех метрах над палубой «Авроры». Естественно, повторно завелся, разъярился и, достав газовый пистолет, стал стрелять в расплывающиеся под ним фигуры арабских туристов, крича: «Получайте, бомжи голозадые подарочки от О'Бухаря!» После этого инцидента война России с арабскими странами все же не началась.

Говорят, О'Бухарь прекрасно знал спальные районы Петербурга: он запросто, без табличек с названиями мог определить в каком районе города находится, хотя обычному человеку трудновато сориентироваться среди множества похожих друг на друга железобетонных коробок. Позже О'Бухарь раскрыл свой секрет, все оказалось просто и понятно. Оказывается, в районе Гражданского проспекта, по наблюдениям О'Бухаря, больше блондинистых попастых и грудастых женщин, в районе Купчино пасутся, преимущественно, брюнетистые худышки. Если же О'Бухарь видел в основном рыженьких кобылок, то где-то рядом должно находиться метро «Пионерская», по проспекту Большевиков бегали лысоватые пикантные перчики, проспект Ветеранов населяли безгрудые зяблики. Каждому спальному району соответствовала своя порода женщин, и О'Бухарь без труда, взглянув только на проходящих мимо женщин, определял в каком районе Петербурга он находится.

Особо отличал и ценил О'Бухарь Невский проспект, потому что там обитали женщины всех пород. О'Бухарь мог часами ходить по проспекту с блаженной улыбкой на лице, переводя взгляд с одной пары ножек на другую. Ножки – кувшинчики! Ножки – бутылочки! Ножки – дирижерские палочки! Ножки – куриные окорочка! Ножки худые и полные, ножки стройные и не очень, ножки на любой вкус. А на вкус О'Бухаря, каждая пара ножек была неповторимо прекрасной. С таким же удовольствием разглядывались и другие части женских тел. И восхищение во взгляде О'Бухаря говорило только одно – что она красива и желанна. И взгляд этот действовал на женщин так благотворно, что лягушка тут же становилась принцессой, огородное пугало – фотомodelью; женщины начинали улыбаться, чувствуя свою значимость. А для О'Бухаря улыбающаяся женщина была лучшим украшением города. Многие годы спустя, О'Бухарь без труда мог вспомнить любую женщину, которой он любовался, но мимо каких домов он проходил – этого он никогда не помнил.

Говорят, если О'Бухарь тосковал, то он пил по-черному, а если веселился, то пил по-белому. В обоих случаях он пил много, но в одном случае он пил, тоскуя, а в другом – пил, веселясь. А финал всегда был одинаковым – он напивался до изумления и уходил путешествовать по мирам потерянной памяти.

Ходят слухи, что за последнее десятилетие двадцатого века, в Петербурге каждая третья беременная женщина забеременела от О'Бухаря.

Рассказывают, будто два раза в году, осенью и весной, у О'Бухаря начиналась призывная лихорадка. Путешествуя в эти периоды «изумленным» по мирам потерянной памяти, О'Бухарь, как правило, встречал там одного из бывших правителей России – Иосифа Сталина. При встрече они пожимали друг другу руки, восклицали по очереди: «Сколько лет, сколько зим!», пили сухое грузинское вино в огромных количествах, ели шашлыки, ругали малохольных царей всех времен и были очень довольны встречей и взаимопониманием, оба улыбались, шевелили усами, и были похожи как отец и сын. Много курили, один – «Беломорканал», второй – «Герцеговина Флор». И славно пели дуэтом, Сталин – тенором, О'Бухарь – басом. После пения появлялась колода карт, и они начинали резаться в дурака. Оба игрока не любили проигрывать. Играли на интерес: победитель колодой, что есть силы, бил проигравшего по кончику носа. После каждой игры оба плакали, один – от смеха, второй – от боли. Носы у обоих быстро распухали и краснели.

Насытившись игрой в карты, садились читать вслух по очереди любимые сказки. Чаше других читали «Сказку о попе и о работнике его Балде», оба не помнили, кто автор, предполагали, что он был очень даже не дурак. После чтения начинался тихий час. Ложились, не раздеваясь, в одну кровать, и Сталин начинал жарко шептать в ухо О'Бухаря: «Знаешь, дорогой, я никому не доверяю, кроме тебя, все вокруг предатели и сволочи. Наше дело может погибнуть, если ты не вступишь в игру. Начинай действовать и удивишься делам рук своих. Не бойся грязной работы: чтобы получить высокий урожай, нужно перелопатить много навоза. Когда ты поймешь, что кроме тебя некому прожить твою жизнь, все встанет на свои места, все закрутится и заработает. Но помни, Александр, вскочив на коня, ты не имеешь права слезать обратно, конь поймет, что ты трусил и убьет тебя; вскочив на коня, ты обязан скакать и завоевывать. Твои предки были великими воинами, значительную часть жизни они проводили в седле, будь достойным своих предков».

И О'Бухарь вдруг оказывался в родном военкомате Калининского района, где он стучал кулаками по столам и орал на людей в военной форме: «А мне плевать, что мне тридцать пять, возьмите меня добровольцем».

Люди в военной форме без удивления слушали его, соглашались, что тридцать пять – это мальчишеский возраст и предлагали ему поехать добровольцем на сельскохозяйственные работы, поскольку там большая нехватка крепких мужиков. О'Бухарь обижался и очень разумно отвечал, что если бы четверть вояк вышла бы в поле и годик поработала бы там, то все продовольственные проблемы были бы элементарно решены. О'Бухарю нравилась идея создания трудовых армий вместо военных. И эта идея заставляла его говорить: «Армия будет кормить не только себя, но и весь мир. Это сулит колоссальные прибыли. На первых порах армии создадут дешевый сельскохозяйственный продукт для своих стран. Дешевый продукт даст возможность человечеству меньше работать физически и больше учиться, заниматься творчеством, и, наконец, когда средний уровень интеллекта повысится, люди придут к элементарной истине, что им нечего делить. Человечество объединится...»

Дружный хохот людей в военных формах перечеркивал монолог О'Бухаря. Он вдруг вспоминал, что *ин вино веритас*, а вспомнив это, убегал из военкомата в винный магазин, и все время, от военкомата до винного магазина за спиной О'Бухаря скакал на косматой лошади свирепый монгольский воин времен золотой орды.

Говорят, О'Бухарь недолюбливал халтурщиков, потому что сам все делал на совесть: и пил, и ел, и жену любил. Халтурщики, по мнению О'Бухаря, и сами жить не умеют и другим мешают. Считая халтурщиков людьми недоделанными, О'Бухарь старался с ними не завязывать отношений длительных. Все его постоянные знакомые были людьми цельными, даже в мирах потерянной памяти.

Ходят слухи, будто в жилах О'Бухаря течет кровь братьев Орловых, которые однажды помогли взойти на российский престол Екатерине Второй. Братья Орловы были красивыми, сильными и умными авантюристами. Они любили выпить, любили женщин, любили подраться. То, что О'Бухарь любил делать то же самое, еще не объясняет его родство с великолепными братьями. О возможности родства Александру рассказывала его бабушка, а ей в свою очередь рассказывала ее бабушка.

Однажды братья Орловы заскочили в кабак промочить горло. Немного выпили и разговорились с хозяином. Узнав, что фамилия того Орлов, братья развеселились и стали выпивать в честь хозяина, потом стали пить в честь его жены, которая их обслуживала за столом. А когда пришла красотка – дочь хозяина, братья чуть не подавились вином, увидев ее достоинства. Все трое тут же начали за ней ухаживать. Девушка просто не знала, кому отдать предпочтение. Все трое были великолепны. Застолье затянулось на неделю. Потом братья уехали, а девушка забеременела от одного из троих, только она не знала, от которого. Кто из братьев стал отцом – неважно; важно то, что в жилах О'Бухаря действительно течет кровь братьев Орловых, которые немало потрудились для русской истории.

Говорят, О'Бухарю не нравилось, когда его называли бабником. В его богатом лексиконе отсутствовало слово «баба». О'Бухарь очень уважал женщин, женщинами он восхищался, женщинами он любовался, с женщинами он получал наслаждение, по сравнению с которым все другие удовольствия бледнели. Александр всегда был Океаном, а женщина – Венерой, купающейся в его водах. В эти мгновения Венера отчасти была и его творением, и творением бога. Любую женщину он считал сладким подарком судьбы. И когда вечно юная и прекрасная Венера на утренней заре выходила из Океана удовлетворенной и улыбающейся, тогда он говорил ей: «до свидания», потому что знал: придет вечер и Венера в образе уже другой женщины вновь придет нырнуть в его ласковые воды.

Говорят, О'Бухарь всегда прислушивался к своему внутреннему голосу, даже если этот голос нес ахинею.

Рассказывают, что однажды О'Бухарь попробовал торговать. Один из его приятелей имел свой винный ларек, у метро. Вышло так, что кто-то из родственников торговца в другом городе умер, и ему потребовалось уехать на пару дней, а напарник, как назло, заболел. Тут О'Бухарь и подвернулся ларечнику. Он предложил поработать два-три дня, Александр согласился. Ларечник уехал.

О'Бухарь пришел на работу. Закрыл дверь ларька. Сел на табурет, осмотрелся вокруг себя. Окруженный со всех сторон винно-водочной армией, он вдруг почувствовал сильное головокружение, хотя в этот день не принимал ни грамма спиртного. Справившись с дурнотой, он встал с табурета. Нужно было открывать окошечко ларька и начинать торговлю. Но... одна из бутылок верхнего ряда сама-с собой наклонилась, соскользнула и начала падать. О'Бухарь резко выбросил руку и поймал бутылку у самого пола. Бутылка была наполнена сухим вином «Алазанская долина». «Неплохое вино, – подумал Александр. – Надо бы поставить ее на место». Но в это мгновение сама собой с легким хлопком вылетела пробка на бутылки и из горлышка полезла пена. О'Бухарь, чтобы добро не пропало зазря, сделал глоток... и поставил пустую бутылку под ноги. Только он собрался открыть окошечко ларька и начать торговлю – с верхней полки прыгнула вторая бутылка. О'Бухарь поймал ее у самого пола, с легким хлопком вылетела пробка, полезла пена... О'Бухарь сделал глоток...и поставил пустую бутылку под ноги. Открывать ларек он уже не пытался. Наверху опять что-то зашуршало и полетела третья бутылка.

Через два часа с верхней полки прыгнула последняя бутылка, О'Бухарь допил ее, вытер усы, но тут начали прыгать бутылки с португальским портвейном. Когда О'Бухарь расправился с портвейном, начали прыгать наливки, потом ликеры, за ними мускаты. Затем пришла очередь тяжело вооруженной пехоты: запрыгали бутылки с водкой, с коньяком, с джином. О'Бухарь не отступал и не сдавался. Гора пустых бутылок под ногами росла. К утру второго дня от армии противника осталась жалкая кучка банок с пивом, они были настолько деморализованы гибелью основных сил, что сдались без боя, на милость победителя, но их трогать О'Бухарь не стал. Пусть живут и плодятся.

Когда вернулся хозяин ларька, он был, конечно же, восхищен подвигом О'Бухаря, но денег за работу почему-то не заплатил.

В одну из белых июньских ночей, когда по теплым светлым улицам гуляет немало людей, хмельной Александр в отличном настроении, шел от метро к своему дому, напевая без слов и улыбаясь без причины.

Недалеко от родной в прошлом школы из кустов навстречу ему вышли два богатыря несовершеннолетнего возраста. Богатыри остановили Александра, достали массивные ножи и попросили его отдать кошелек, потому что им необходимо в кратчайший срок набрать тысячу долларов на лекарство для их бабушки, которая всю жизнь страдала от фригидности и хотела бы в конце пути избавиться от болезни при помощи дефицитного лекарства, изготовленного из рогов английских джентльменов. Заботливые внуки очень хотели помочь своей обожаемой бабуле, но делать ничего не умели, поэтому грабеж им казался самым приемлемым решением. Они уже два месяца промышляли, но петербуржцы оказались такими нищими, что, по расчетам внуков, чтобы набрать нужную сумму, им потребуется грабить лет десять.

Если бы у Александра было скверное настроение, наглые подростки с большими ножами в несколько мгновений были бы «размазаны» по асфальту, но на их счастье, настроение у Александра соответствовало теплой белой ночи, поэтому улыбающийся молодой мужчина решил поговорить с ними. «Господа засранцы! – сказал он. – От того, что вы вытащили свои ножи, в моих карманах не стало больше денег. Настоящий мужчина не применит оружие ради наживы. Настоящий мужчина не будет разрушать ни человеческое тело, ни произведение искусства, ни дом, ни дерево. Настоящий мужчина – созидатель. Настоящий мужчина – это Платон, Микеланджело, Пушкин... В судьбе нашей планеты не очень много настоящих мужчин. Не каждый, прожив свою жизнь, сможет похвастаться нарисованной им Моной Лизой, но если бы все к этому стремились, люди перестали бы воевать. А вы, господа засранцы, также можете стать настоящими мужчинами. Постойте, не убегайте, я еще только начал говорить. К сожалению, люди не любят слушать правду, потому что люди – сладкоежки, а правда бывает горькой. Бегите, засранцы. Людоеды не оценят торт. Рожденные в огне приветствуют пожары. Дуракам бессмысленно объяснять смысл жизни. Если курицу забросить к облакам, она не станет орлом. Если у Сизифа отнять его камень, Сизиф запыет с тоски...»

Подростки ретировались обратно в кусты поджидать более достойного клиента. А Александр, перестав говорить, увидел в своей руке пистолет Макарова, который он автоматически выхватил из кармана вместо кошелька, и которым он размахивал, словно дирижерской палочкой, в такт своим словам перед носами подростков, и который по силе убедительности всегда лучше любых слов.

«Если ты увидел свет в конце тоннеля, не спеши радоваться: возможно, навстречу идет электропоезд. Как же определить, тот свет впереди или не тот? Если ты – уставший от жизни старикан, тот свет горит для тебя, а если ты задумал самоубийство – тебе подойдет элек-

тричка, если же тебе необходима смена впечатлений, то выпей стаканчик вина, подбрось монетку и, если выпадет орел, то иди в одну сторону, а если выпадет решка – иди в другую. Но в обоих случаях постарайся выжить, потому что ты еще почти ничего не узнал в этой жизни, несмотря на твои тридцать пять». И, послушавшись совета внутреннего голоса, О'Бухарь выпил стаканчик вина, подбросил монетку и... выбрал блондинку Катю, которая сидела у него на левом плече. Брюнетку Иру, сидевшую на правом, пришлось опустить на асфальт и забыть, потому что О'Бухарь был однолюб. Хотя Ира ему также очень нравилась, но судьба есть судьба; монетка показала решку, поэтому Катя стала шестой женой О'Бухаря.

Рассказывают, что однажды О'Бухарь выиграл в карты солидную сумму денег. А все началось с того, что он поругался со своей тринадцатой женой.

Вообще-то О'Бухарь ругался со всеми своими женами и всегда по одной и той же причине – не хватало денег. О'Бухаря просили добыть деньги и накормить жену не только сексом и красивыми байками, но и нормальной здоровой пищей, которую женщины привлекли употреблять до замужества и от которой они поневоле стали отвыкать, живя рядом с Александром.

В тот день Александр поругался с тринадцатой женой, которая настойчиво предлагала ему поразгружать вагоны на овощебазе, а не приставать к ней с ласками. Обидевшийся О'Бухарь пулей выскочил из дома на улицу, где и столкнулся нос к носу с бывшим одноклассником, который тотчас пообещал ему сто долларов за работу телохранителя в течение дня. Предстояла игра по-крупному, на какой-то квартире, у какого-то «авторитета». О'Бухарь сходу согласился, и уже через час он с любопытством наблюдал, как его бывший одноклассник, манипулируя колодой карт с профессиональной легкостью фокусника, начал откачивать деньги из компании бизнесменов. Время летело, куча выигранных денег росла, и бывший одноклассник начал потихоньку нервничать. Бизнесмены, заметив это, посоветовались и предложили сыграть на все выигранные деньги, при соотношении один к десяти, то есть против двадцати тысяч долларов они ставили двести тысяч, если вместо бывшего одноклассника сядет играть О'Бухарь, в котором они определили картежного дилетанта. Одноклассник решил рискнуть и согласился.

О'Бухарь сел за стол, и тут выяснилось, что он умеет играть только в дурака. После небольшого замешательства бизнесмены, посмеявшись, согласились. Раздали карты, и О'Бухарь выиграл. Бизнесмены предложили сыграть еще. Но здесь не выдержали нервы у бывшего одноклассника. Он забрал причитавшиеся ему по договору с О'Бухарем сто тысяч и, откланявшись, ушел. О'Бухарю же предложили сыграть еще одну партию. Против его ста тысяч долларов бизнесмены ставили двести. Александр согласился. Раздали карты, и он опять выиграл, хотя в этот момент волнение было таким сильным, что карты расплывались, руки дрожали, а в мозгах бушевал шторм. Но он выиграл. Ему вручили сумку, в которой лежало триста тысяч долларов.

Кто-то улыбался, кто-то хлопал его по плечу. Никаких бандитских действий, которых ожидал О'Бухарь, не было. Просто бизнесмены проиграли триста тысяч долларов О'Бухарю, отдали проигрыш и забыли об этом.

А О'Бухарь с сумкой, в которой, для обычного петербуржца, находилось целое состояние, шел домой, к голодной тринадцатой жене, до конца еще не веря в свое обогащение. Через каждые тридцать метров он открывал сумку, смотрел на пачки долларов и восхищенно мычал: «Бывает же такое, а-а-а?» Потом на него навалилась сильнейшая жажда. Такой выигрыш невозможно было не отметить. У первого же ларька он купил бутылку вина, осушил ее, купил вторую и до пятой бутылки не мог остановиться. Потом его мозги заклинило на пять часов, а когда память вернулась, О'Бухарь не сразу сообразил, что стоит на Литейном мосту, у ограждения и, сворачивая из долларовых купюр самолетики, запускает их в

полет над Невой. А когда полетел последний самолетик, О'Бухарь вдруг радостно засмеялся и закричал навстречу утренней заре: *«Летите доллары, летите! Над озаренною Невой. Вы не нарушите покой в моей душе. Других губите!»*

Говорят, когда у О'Бухаря была бессонница, он, как правило, бродил по ночному Петербургу, обернув свое обнаженное тело простыней. В летние белые ночи это почти никого не удивляло, в осенние периоды – забавляло, но зимой полуголый мужчина в простыне, неторопливо ступающий по снегу босыми ногами, пугал всех встречных без исключения, собаки и те поджимали хвосты и убегали.

Говорят, бывшие жены О'Бухаря раз в год собираются в одном из кафе на Невском проспекте пообщаться за чашечкой кофе. После кафе они идут в Эрмитаж, затем, если позволяет погода, прогуливаются по набережным Невы, а заканчивается эта встреча всегда на Дворцовой площади, у Александрийского столпа, верхушку которого венчает ангел с лицом царя Александра первого. Все бывшие жены О'Бухаря также уверены, и не без основания, что их бывший муж, их солнышко, их радость, их сокол ясный, их Геракл удивительно похож лицом на царя. И поэтому, когда они приходят к столпу, тогда женщины прерывают бесконечные разговоры и минут десять молчат, вспоминая каждая свое. И на двадцать одном прелестном женском лице появляется джокондовская улыбка удовлетворенной женщины.

Однажды О'Бухарь чуть не утонул в небольшом озере, потому что очень хорошо плавал. В тот летний день О'Бухарь с приятелем проводили выходной на природе Карельского перешейка, на берегу красивого озера, в двухместной палатке, без женщин (решили от них отдохнуть), но с большим количеством горячительных напитков.

После душного, пыльного, грохочущего Петербурга один только чистый воздух пьянил необыкновенно сильно, а шашлыки, обильно запиваемые сухим красным вином, удесятеряли опьянение. И пир двух здоровых и сильных мужчин продолжался бы до утра, если бы не зазвенели призывно с противоположного берега колокольчики – молодые женские голоса. И таким нежным, таким волнующим был этот зов, что О'Бухарь вдруг не выдержал, вскочил с земли, не раздеваясь, прыгнул в озеро и поплыл к другому берегу.

Махом преодолев кролем половину расстояния, О'Бухарь перевернулся на спину и поплыл, закрыв глаза и слушая голоса. Через пятнадцать минут, когда он, по своим расчетам, должен был подплывать к нужному берегу, О'Бухарь открыл глаза и обнаружил, что находится на середине озера. Александр не запаниковал, быстренько определил нужное ему направление, снова перевернулся на спину, снова закрыл глаза и, слушая нежные женские голоса, поплыл, чтобы через пятнадцать минут очнуться на середине озера. Это повторилось десять раз, прежде чем О'Бухарь понял, что сильно устал. Глаз больше не закрывал. Сапоги, которыми дорожил, пришлось снять и утопить, а незнакомок на противоположном берегу выкинуть из головы. С огромным трудом, на последних парах, дотащился он до места стоянки и около часа лежал на отмели у берега, приходя в себя. И только на следующий день О'Бухарь сообразил, что одна его рука загребает значительно сильнее, поэтому на спине с закрытыми глазами он плыл по кругу, а не туда, куда бы ему хотелось.

Кстати, многие люди, которые плывут по жизни с закрытыми глазами, как правило, кружат на одном месте и тонут.

Говорят, О'Бухарь любил ходить в баню. Там он энергично парился дубовым и березовым вениками, приговаривая: «Каждого романтика рекомендуется, отдубасив, накормить березовой кашей». После каждого захода в парилку, он пил много пива, закусывая воблой. Шустрый банщик сутился рядом, открывая бутылки, очищая от чешуи воблу и с восхище-

нием смотрел на хорошо развитое мускулистое тело О`Бухаря. Посетив парилку двадцать один раз, О`Бухарь на всю баню орал: «Очко!» Банщик, знавший привычки всех своих постоянных клиентов, приносил белый смокинг, О`Бухарь натягивал его на голое тело и, шлепая банными тапочками по полу, шел в женское отделение. Женщины принимали его за банщика, поэтому не стеснялись. О`Бухарь забирался на свободную скамью и с высоты своего роста и скамьи начинал читать стихи, посвященные женщинам. Память у О`Бухаря была прекрасной. Стихи русских и мировых классиков текли полноводной рекой, и в этой реке купались слушавшие О`Бухаря женщины, на время забывшие свои заботы и печали.

Раз в год О`Бухарь пытался самоубиться. Поздней осенью, жизнелюбивого и сильного мужчину пробивала такая могучая тоска, что никто и ничто не могло его порадовать. Александр запирался в своей квартире и пил по-черному недели. Потом, обессиленный и надломленный, выл волком на пылающую луну в своих мозгах и, не желая терпеть мук своих, начинал сводить счеты с жизнью.

О`Бухарь перепробовал многие известные и популярные способы. Однажды он стрелялся из пистолета, конфискованного у бандита. Двенадцать раз боевое заряженное проверенное оружие, поднесенное к виску, давало осечку. В тринадцатый О`Бухарю надоело, он выстрелил в настенные часы, пуля исправно пробила маятник, кукушка выскочила из часов и заорала: «*Ин вино веритас!*». О`Бухарь согласился с кукушкой и, забыв о самоубийстве, пошел пить вино.

В другой раз он решил отравиться. Купил на черном рынке полулитровый пузырек с цианистым калием и выпил одним глотком. Но кто-то по ошибке влил в пузырек вместо яда слабительное. О`Бухарь еле успел добежать до собственной квартиры, где весь вечер просидел в туалете, матерясь.

Позднее, помня о своих двух предыдущих неудачных попытках, он решил повеситься. Под руками не оказалось веревки и пришлось использовать немецкие подтяжки деда. Завязав два конца вокруг своей могучей шеи, а два других за батарею, О`Бухарь шагнул с балкона шестого этажа, предполагая, что спастись будет невозможно. Но подтяжки оказались на удивление качественными: они растянулись до первого этажа и создали условия для мягкой посадки на газон. О`Бухарь не повредил даже шеи, потому что в момент наибольшего растяжения немецкие подтяжки отвязались от батареи и с громким шлепком стегнули его ниже спины /по попе/.

Когда же О`Бухарь рискнул утопиться и, привязав двухпудовую гирю к ноге, прыгнул с моста в Неву, русалки не дали утонуть своему любимцу, они выбросили его из реки вместе с двухпудовой гирей на пляж, у Петропавловской крепости.

Как правило, О`Бухарь не делал больше одной попытки в году. И описанные события происходили в разные годы. Также безуспешной была попытка самоубиться на своем стареньком форде, который был старше нового хозяина раза в два и, до момента покупки его О`Бухарем, успел проехать до луны и обратно. И когда затосковавший Александр не захотел вписывать машину в поворот, а погнал ее прямо на гранитный парапет, украшающий Неву, натужно ревущий «старичок», не доехав до парапета трех метров, ударился колесами о паребрик тротуара и развалился на составляющие части, а О`Бухарь, пристегнутый к сиденью, перелетел через парапет и приземлился прямо на кучу песка, который перевозила баржа.

Зная о неудачных попытках Александра сбежать из жизни, один доброжелатель как-то посоветовал ему: «Если тебе предсказали смерть от старости и ты поверил – прыгни с километровой высоты без парашюта, скорее всего, ты успеешь понять, что предсказатель ошибся». Выслушав знакомого, Александр молча пожал плечами. Но через неделю поехал в аэроклуб к знакомому инструктору по прыжкам, заплатил за прыжок, и уже в самолете, на

километровой высоте, снял парашют. Инструктор сделал вид, что ничего не заметил, потому что был обижен на О'Бухаря за когда-то соблазненную им жену. О'Бухарь прыгнул и сразу же почувствовал, что в его ногу кто-то намертво вцепился. Присмотревшись, он узнал симпатичную брюнетку, которая должна была прыгать сразу вслед за ним. Парашют за ее спиной был нераскрытым. Инструктор и на нее был обижен. Девушка прыгала впервые, поэтому ничего не соображала от страха и выдергивать парашют сама не собиралась. Сейчас спасением для нее была нога О'Бухаря, в которую она и вцепилась изо всех сил. Александр подумал и дернул за кольцо. Рывок раскрывшегося парашюта не смог разорвать объятий брюнетки. Уже на земле, когда Александр надавал ей отрезвляющих пощечин, она открыла глаза, улыбнулась и выдохнула: «Рита, мой господин». И через четыре часа она стала четырнадцатой женой О'Бухаря.

«На земном шаре власть принадлежит мужчинам. В подавляющем большинстве стран мужчины правят своими народами, придумывают законы, строят, разрушают и воюют, воюют, воюют, словно они не совсем разумны, словно они не компетентны в делах, за которые берутся, а кроме деторождения они берутся за все дела. Земной шар может накормить, одеть и снабдить жильем все население. Но мужчины-правители вследствие своей ограниченности и агрессивности, создавая, в основном военные, государства, не дают своему населению даже нормально питаться. Вывод напрашивается самый элементарный – миром должна править женщина, потому что самой природой в женщину заложены: забота о сохранении ребенка, забота о сохранении семьи, забота о мире. История человечества переполнена войнами, а война означает очень низкий интеллектуальный уровень воюющих (а воюют мужчины). Уничтожение своего рода – это сумасшествие. Женщина никогда не сможет уничтожить свой род».

После этого монолога О'Бухаря одна симпатичная феминистка в одном из пивных баров Петербурга очень быстро зауважала Александра, села к нему на колени, прижалась к его груди, выпила пива из его кружки и стала в первую же ночь знакомства его семнадцатой женой.

Как-то О'Бухарь прочитал книгу одного американского журналиста, который по рецептам мексиканских шаманов /колдунов/ ел грибы-глюциногены и затем описывал (ручкой по бумаге) свои ощущения-видения. На протяжении всей книги (репортажа галлюцинаций) мелькала любопытная для О'Бухаря мысль: если ты резко обернешься назад, то обязательно увидишь сияние смерти.

Однажды О'Бухарь вспомнил эту мысль, прогуливаясь по Эрмитажу. Проходя через греческий зал, он резко обернулся назад и встретился взглядом с красивой женщиной, идущей следом за ним. Минуты три они смотрели друг другу в глаза, затем женщина заговорила четким сильным голосом, покорившим О'Бухаря: «Если при посещении Эрмитажа ты видишь обломанные у некоторых статуй руки, облупившуюся краску у некоторых картин, трещины на полах, то можно с уверенностью сказать, что ты еще не слышишь божественной музыки искусства». О'Бухарь сразу же понял, о чем говорила красивая женщина и порадовался единству их взглядов. Часа три они, уже вдвоем, бродили по Эрмитажу, от картины к картине, от статуи к статуе. И чуть слышная музыка, зазвучавшая при их встрече, усиливалась с каждым шагом по залам музея. А когда они, взявшись за руки, выходили из Эрмитажа, – музыка могучей волной пронизывала петербургское небо и улетала к звездам, и это была музыка любви. И О'Бухарь видел красоту родного города, которую раньше не замечал, и радовался этой красоте, словно ребенок новогодней елке. А женщина с именем Вера-Верушка радовалась вместе с ним, потому что обрела наконец мужа, который ее понимает, хотя бы чуть-чуть.

В 1999 году лето в Петербурге было непетербургским. Дневная температура от двадцати пяти до тридцати градусов держалась уже почти два месяца. Дожди были редкими гостями. И многие жители непривычную жару переносили без большого удовольствия, хотя после очень прохладного, иногда ледяного мая, жаркое начало июня восприняли как подарок.

О'Бухарь в эти жаркие месяцы пил много пива, хвалил петербургских пивоваров, которые наконец-то научились варить не «мочу козлиную», а настоящее пиво, не уступающее своими качествами ни чешскому, ни немецкому. И в жаркие летние дни пиво для О'Бухаря, как и для многих петербургских мужчин, было палочкой-выручалочкой, помогающей не обращать особого внимания на жару.

Кстати, если человек выпивал много пива, ну, скажем, бутылок десять-пятнадцать, то он уже не обращал особого внимания не только на окружающих его людей, но и на самого себя, и если его в этот момент спросить, как его зовут и где он находится сейчас – то в девяти случаях из десяти пивоманы начинали рассказывать о тридевятом царстве, о суровой супруге бабе Яге, о начальнике – Кощее бессмертном, о змее Горыновиче, спрятавшемся в бутылку пива, и Иване-дураке, которому самой судьбой положено этого змея уничтожить, и поэтому Иван пьет без меры, надеясь встретить змея и расправиться с ним. О'Бухарь же был уверен, что к пиву змей Горынович не имеет никакого отношения и вся суть змея связана с крепкими напитками. А пиво для О'Бухаря было просто освежающим напитком, который употреблялся им целый день, хотя больше двадцати одной бутылки он не пил, потому что число двадцать одно было его заветным числом и все, что сверх того, он считал перебором. Поэтому, женившись в двадцать первый раз по любви на Вере-Верочке, он вдруг интуитивно понял, что игра сделана.

Своими женами О'Бухарь считал женщин, которые смогли прожить рядом с ним не менее трех месяцев, а таких было двадцать одна. В ЗАГСе он не регистрировался ни с одной, считая это мероприятие ненужной формальностью. Но поскольку все его женщины в начале знакомства непременно хотели туда сходить, то он говорил им всегда одно и то же: «Любимая, разве какая-то бумажка сможет усилить наши чувства? Пока мы любим друг друга, мы будем рядом, мы будем мужем и женой, независимо от каких бы то ни было записей в книгах. Наша любовь – это сила, которая поднимает нас неизмеримо выше всех условностей. Если мы любим, то мы должны доверять друг другу. А совместная жизнь, наполненная любовью и доверием, не нуждается в условностях общества, которому мы безразличны. Согласись, если я тебя люблю, то только безумие заставит меня уйти от тебя. То же самое и с тобой. То есть, пока мы любим друг друга, только безумие разлучит нас».

Жены соглашались, но все равно тянули в ЗАГС. О'Бухарь же был непробиваем, потому что хорошо знал себя и понимал, что полуголодная жизнь рядом с постоянно пьяненьким беспокойным чудаковатым мужчиной быстро изменит планы женщины; несмотря на его выдающиеся сексуальные способности, рано или поздно она уйдет искать спокойной и надежной пристани у другого.

Но Вера-Верочка-Верушка перевернула всю жизнь О'Бухаря. В тот день, когда они, только что познакомившись, выходили из Эрмитажа, а музыка любви, зазвучавшая в двух совпавших родственных душах, знакомая и незнакомая одновременно, пронизывала петербургское небо, женщина вдруг остановила Александра, прижалась к нему своим стройным сильным телом и, безотрывно глядя ему в глаза, заговорила красиво и немного непривычно: «Объять необъятное – это же очень, очень просто, это всего лишь: полюбить; стать любимым; ощутить птицу счастья у себя на ладонях; услышать могучий звездный хор; увидеть танцующие деревья; поприветствовать маленького принца, окруженного детьми и живот-

ными; поклониться Дон-Кихоту; пощекотать Санчо Пансо; пожать руку Гамлету; сказать князю Мышкину „милый друг“; после ста лет одиночества вдруг понять, что одиночество – это грустная выдумка грустных людей; поцеловать Лауру; обнять Беатриче; погладить Белого клыка; оседлать единорога; выстрелить из лука Одиссея, взвесить на руке золотое руно; подарить Робинзону Крузо безопасную бритву; крикнуть на острове Сокровищ: „Пиастры“; выкурить трубку мира с Чингачгуком; разбудить Обломова – в общем, объять необъятное, потому что это живет в каждом из нас, это заложено в нас природой и достаточно всего лишь открыть это в себе. И взглянуть на мир глазами уже более совершенного человека, который может объять необъятное».

И Александр поверил ей, как верит ребенок своей маме. И сила, исходящая от этой удивительной женщины передалась ему. И впервые в жизни он вдруг осознал, что любит настоящему и боится потерять эту женщину, и чтобы сохранить это удивительное чувство, он бросит пить, он будет зарабатывать деньги, он построит дом, посадит дерево, вырастит ребенка, он будет человеком, а человек – это всегда созидатель, а не разрушитель.

ЧАСТЬ II. ИГРА НА СЕКСОФОНЕ

Человеку, пожелавшему научиться игре на СЕКСОфоне, для начала необходима «Кама сутра». Также как Пушкину (поэту) для начала была нужна азбука.

Я родился в тельняшке и с книгой в руках, поэтому роды были тяжелыми. На тельняшку доктора не обратили внимания, а вот книгу отобрали, потому что «Декамерон» был в то время дефицитным товаром. Доктора отобрали книгу и ушли праздновать Новый год, а я обиделся и заплакал первый раз в жизни.

Я мужчина в возрасте от тридцати до пятидесяти лет. Моя мама говорит, что мне – тридцать, а мой отец говорит, что мне – пятьдесят. Им, конечно, виднее. Родился в городе Ленинграде, но это не означает, что я не петербуржец. Большая часть моей жизни прошла в прошлом тысячелетии. В новом тысячелетии я прожил всего один год. Первый трезвый год после пятнадцатилетнего запоя. Оказывается, к трезвой жизни тоже надо привыкать. И нельзя забывать о пьяном безумии, которым были пронизаны пятнадцать моих лет. В эти годы алкоголь управлял моей волей. Я жил, говорил и любил под его дудку /диктовку/. Но делал это от всей души, изо всех сил, потому что по-другому не умею. Я из тех людей, которые, начиная кроить из мухи слона, не останавливаются на полпути, и, несмотря на затраты и трудности, я, как правило, доделываю слона. Но слон, которого я создал за пятнадцать лет, оказался уродливым, переполненным дерьмом монстром. Год назад он лопнул и забрызгал своим содержимым меня и мою любовь. Но если бы этого не произошло, то я наверняка бы уже умер. Мне повезло. Умер этот урод. И пятнадцать лет моей жизни вылетели из моей памяти, потому что я трезвый абсолютно не помню меня – пьяного.

Я родился тридцать первого декабря, в двадцать четыре ноль-ноль. В это мгновение миллионы людей подняли бокалы с шампанским и радостно заорали: «С новым годом!!!»

По знаку зодиака я Козерог. И мне очень нравится, что под этим же знаком родились Христос и Чингисхан. Интересная компания, не правда ли?

Двадцатый век закончился. Начался двадцать первый. А какого-нибудь различия между ними я и не заметил. Конец одного стал началом другого. В мире на этом все и держится. Конец одного дает жизнь другому. Конец коровы, к примеру, обеспечивает сытую жизнь волчьей семье на пол месяца, а конец моего отца подарил жизнь мне, но это не означает, что мой отец уже умер (уж простите за такой каламбур).

К сожалению, уже октябрь. В девять вечера темно. С неба сыплется дождь. Иду по улице и смотрю внимательно под ноги, чтобы не попасть в лужу. Не сомневаюсь, что в каждой третьей луже притаился открытый канализационный люк. Во мраке над головой переговариваются между собой летящие на юг гуси. Отчаянно им завидую. Задираю голову вверх и ору: «Возьмите меня с собой, гуси!..» И тут же наступаю в лужу и проваливаюсь в канализационный люк.

Все мои друзья уверены, что у меня слабое здоровье, потому что когда я выпиваю литр водки, то потом в течение пяти часов абсолютно ничего не помню из своих действий. Любопытно, что в момент перехода к «изумленному» состоянию мои ярко-синие глаза становятся

темно-зелеными, а зрачки начинают светиться по-бесовски (так называли это свечение мои жены).

У моего тезки Александра Македонского был девиз: «Пришел, увидел – победил.» А мой девиз: «Пришел, увидел – овладел!» И в отличие от Македонского, я никого не убиваю, не насирую, не граблю. Я ближе к нормальному человеку.

Заходил в ДЛТ, и у входа симпатичная девушка вручила мне лотерейный билет, который оказался выигрышным. Завтра поеду получать приз. Еще неизвестно – какой. Любопытно, кто же это меня сегодня вывел на выигрышный билет. Я ощущал присутствие невидимой силы целый день. И внутренний голос подсказывает, что завтра будет один из первых призов. Впрочем, проверить это я смогу только завтра.

Если верить господину Фрейду, то прекрасные сны с полетами истолковываются как сновидения в состоянии сексуального возбуждения, то есть как эрекционные сновидения. А я летаю во снах каждую ночь, без передышки, несмотря на то, что каждый день обязательно разряжаюсь /в смысле, эякулирую/ не менее одного раза, начиная с пятнадцати лет. Если встречу Фрейда, то обязательно узнаю о его ночных полетах.

С лотерейным билетом меня надули. Эта оказалось игрой с простаком. В качестве простака выступал я. Заплатил двадцать долларов за две бумаги, на которых черным по белому написано, что я – простофиля и болван.

Начало ноября. Целый день идет дождь со снегом. Говорят, что так будет продолжаться до мая. Но не хочется в это верить.

Дождливая поздняя осень – унылая пора.

Моя бывшая жена Ирина, совершая подлость, всегда обвиняет в этом кого-то другого. Вначале это был ее отец. Потом ее мужья, по очереди. Теперь я. Любопытно, кто же будет следующим. Вероятнее всего, ее собака.

Нашел редакцию, в которой согласились прочитать мой материал /роман/ и решить, подходит он или нет /будут его покупать или нет/. В течение недели обещали сообщить результат. Настроение было прекрасным. Заехал к приятелю, и он его испортил предположением, что меня обманут, то есть рукопись не вернут, а книгу издадут под чужой фамилией (фамилией редактора). Не хочется верить, что кругом одни негодяи. Но...

Бывшая жена Рита, узнав, что я написал роман в двести страниц, подвела меня к полке с двадцатью шестью романами Эмиля Золя. Самый худенький /тоненький/ был на триста пятьдесят страниц. «Вот как надо работать, – сказала Рита. – Рядом с ним ты комарик на попе слона». Получается, что она считает Золя попой слона.

Сегодня день милиции. И, наверное, в честь праздника московским милиционерам повезло. Они обнаружили квартиру, в которой находилось сто пятьдесят единиц стрелкового оружия (пистолеты, автоматы, пулеметы), стоимостью в двести тысяч долларов. Человека, снимающего эту квартиру, задержать не удалось. И генерал милиции по телевизору обратился к неизвестному владельцу с просьбой явиться к нему в управление для делового разговора.

Один нарколог когда-то предупреждал меня, что выпитые мной залпом двести граммов водки – это воробей, подлетевший к моей печени и выклевавший из нее кусочек с ноготочек. Я сразу же подумал: а сколько же выпивал Прометей, если к его печени прилетал орел?

До чемпионата мира по футболу осталось двести дней. За это время я могу написать второй роман. Могу еще раз жениться и развестись. Могу пройти пешком до середины России. Могу выпить двести литров водки и умереть. А могу ничего не делать, если мне это позволят.

В России сто пятьдесят тысяч официально зарегистрированных больных СПИДом. А незарегистрированных наверняка в сто раз больше. С новыми секспартнерами больше не знакомлюсь. Занимаюсь онанизмом и смотрю телевизор.

Опять безработный. Наш начальник продал фирму и уехал в Англию. А нам, своим рабочим, забыл отдать заработанные нами деньги. Полмесяца мы вкалывали только для того, чтобы говнюк-начальничек без проблем добрался до Англии.

Сегодня назвал одну женщину красивой. Она мне не поверила и попросила привести хотя бы трех свидетелей. Я привел четверых. Они десять минут говорили ей комплименты. Потом ушли. Для меня это стоило два литра водки. Женщина была в восторге и отдалась мне, хотя я этого и не просил.

Иногда мне кажется, что я еще не любил по-настоящему, и все мои отношения с женщинами – это репетиция перед главным спектаклем. И спектакль этот начнется в ближайшем будущем. Завтра. А может быть, послезавтра. Необходимо только добежать до поворота дороги, по которой я бегу, повернуть за ближайший поворот и столкнуться с обыкновенным чудом. И этим чудом обыкновенным будет необыкновенная женщина, которая подхватит меня на руки и понесет от звезды к звезде. И эта женщина не будет спрашивать, сколько я зарабатываю и почему от меня пахнет алкоголем. Эта женщина будет любить меня таким, какой я есть, то есть бедным и нетрезвым, обидчивым и легкомысленным. И я не буду ей верным, надежным, потому что не умею этого. А главным будет могучая, похожая на весну, любовь этой женщины ко мне. И эта любовь сделает из меня, обычного алкоголика и бабника, необыкновенного человека, способного и блоху подковать, и на Луну слетать, и «Войну и мир» написать.

Заезжал в гости к моему знакомому японцу Федору Куросава. Его родители настоящие японцы, были в годы своей молодости поклонниками творчества русского писателя Федора Достоевского. И поэтому, в знак уважения к мастеру, назвали своего сына тоже Федор. Он приехал в Петербург вместе со своей беременной женой, тоже чистокровной японкой, совершенствовать знание русского языка.

Я познакомился с ними на каком-то празднике. Мы понравились друг другу. И поэтому иногда перезванивались и встречались. Месяц назад у жены Федора родился сын. Федор пригласил меня в гости, «обмыть ножки» новоиспеченного японца, которого тоже назвали Федором. Старший Федор встретил меня в прихожей словами: «Я думаю, что когда ты его увидишь, то будешь вынужден согласиться со мной – Куросава старший и Куросава младший похожи, как две капли воды». Но, увидев его, я понял, что похожи они, как капля воды и капля нефти. Куросава младший был негретенком.

В плохом настроении зашел в галантерейный магазин и для поднятия настроения попросил продавца подобрать мне плавки цвета детской неожиданности. Продавец поискал. Не нашел. И сказал: «Извините, детская неожиданность закончилась, осталась только взрослая, будете покупать?» Пришлось купить, хотя делать этого не собирался.

Кто-то мне весь вечер нашептывает, что мою рукопись вернут обратно как негодную, футбольная сборная Германии выиграет у сборной России, на хорошую работу я не устроюсь, женщины не захотят больше со мной встречаться, алкоголь вновь пересилит мою волю, а поздняя осень будет длиться двенадцать месяцев... Я прерываю шептуна и посылаю его к черту.

Позвонил мне мой приятель Марат. Похвастался, что написал уже треть своего романа. До нового года он собирается дописать оставшиеся две трети. Хотя осталось всего сорок дней. И для Марата создание ста страниц за такой срок будет подвигом, прыжком за шесть метров без шеста, потому что первые пятьдесят страниц он писал целый год.

У меня началось время неудач. На хорошую работу меня не берут. Мою рукопись мне вернули (без комментариев). Женщина, певшая мне о любви, поет о ненависти. На улице не переставая идет мокрый снег. Да еще и господин Остеохондроз напоминает о себе по несколько раз за день.

Заходил в гости к знакомой двадцатилетней девушке. У нее давно не было мужчины. Поэтому мы разговаривали совсем недолго и завалились в постель. Минут через двадцать мы одновременно кончили, и Юлия ушла в ванную. А ко мне в кровать нырнула ее мама. Сорокалетняя красotka. У нее давно не было мужчины. Поэтому я не мог ей отказать. Минут через двадцать мы одновременно кончили, и Елена ушла в ванную. А ко мне в кровать легла ее мама. Шестидесятилетняя конфетка. У нее давно не было мужчины. И я не мог ей отказать. Минут через двадцать мы одновременно кончили, и Мария Львовна ушла в ванную. А ко мне в кровать скользнула ее мама... Очнулся я на улице, в простыне на голом теле, бегущим босиком по ласковому питерскому снегу в северном направлении.

«Работа – сука – не оставила меня в покое даже после моего выхода на пенсию. Я предполагал, что буду с утра до вечера читать книги, смотреть телевизор, слушать музыку, гулять по музеям и паркам, любить красивых женщин. Но вместо этого, я целый день распиливаю одни и те же доски и забиваю гвозди. Моей сраной крохотной пенсии хватает только на сто буханок хлеба, но я съедаю гораздо больше, около трехсот, поэтому приходится горбатиться. Но в России других вариантов нет. Все горбятятся до самой смерти. Получается, что смерть – это избавление от горбатых земных мук. Смерть – это награда для угнетенных и сгорбленных», – мой сосед перестал говорить и задремал, а я допил свой кофе и пошел искать работу, потому что не горбатился уже месяц и денег не осталось даже на проезд в транспорте.

Бывают времена, когда мне очень не хватает сексуальных переживаний, и тогда я искренне завидую банному листу, прилипшему к женской попе.

По заснеженной дорожке Политехнического парка идет красивая стройная брюнетка в легком серебристом платье. В обнаженных руках – букет красных гладиолусов. На ветер и мороз не обращает внимания. Улыбается. А в ее голубые глаза страшно смотреть. Но я иду рядом и безотрывно смотрю в эту голубую бездну. Моя голова начинает кружиться. Не

могу пройти мимо таких женщин. Мы знакомимся, ее зовут Диана. Великолепная охотница. Повелительница мужчин. Я иду рядом и говорю:

– Знаете, Диана, мне, конечно же, повезло, что я встретил вас в этом дремучем лесу, где можно пройти сотню километров и не встретить ни одного человека.

Диана улыбается:

– Вы шутник, Александр, я прошла по этому парку каких-то триста метров и познакомилась уже с двумя симпатягами. Первый снял с меня шубу и убежал. Второй подарил цветы и, не оставив даже номера телефона, тоже убежал. А что предложите вы?

– Я предлагаю вам чашечку кофе в уютном кафе и диалог между мужчиной и женщиной.

Диана соглашается. Я снимаю свою куртку, набрасываю ей на плечи, и мы бежим в кафе у метро. Замерзнуть не успеваю, потому что кафе недалеко. Садимся за столик. Пьем кофе и смотрим друг на друга. А она действительно красива. И знает об этом. Поэтому уверена в себе и спокойна. Мы смотрим друг на друга и улыбаемся.

– Ах, Диана, сегодня я полдня ходил и ныл о своем невезении. Работы не найти, денег нет. Роман не печатают. Бывшая жена не хочет со мной даже нормально разговаривать. И вдруг вы, прекрасная и недоступная.

Диана улыбается:

– Ну почему же недоступная? Для хорошего мужчины я готова на многое.

– А много ли хороших мужчин вам встречалось в жизни?

– Не много. Но встречались. Они подобны оазисам в пустыне. И когда идешь от одного к другому, тогда тяжело и страшно, потому что все барханы между оазисами похожи друг на друга, они бесполезны и уродливы. И их необходимо преодолеть, чтобы не погибнуть от скуки.

– А вы философ.

– Вы тоже.

– Сократ Платона видит издалика.

– Ну не Сократ, а Сократиха.

Мы смотрим друг на друга и улыбаемся. Кофе заканчивается, и я провожаю Диану до ее дома, который недалеко от кафе. Без куртки я начинаю замерзать, и Диана предлагает зайти к ней и согреться за чашечкой чая. Я соглашаюсь. Мы поднимаемся на третий этаж по непривычно чистым для меня лестницам. В прихожей нас встречает огромный серый кот по кличке Фагот. Словосочетание «кот-фагот» кажется знакомым. Я даю ему обнюхать руки, затем глажу его. Мой запах ему нравится, и он не убегает.

Диана замечает:

– Вас любят животные, скорее всего, вы не хищник, как большинство мужчин.

– Меня любят не только животные, но и женщины.

– Наверное, им есть, за что вас любить.

– Ну конечно же, есть за что.

Мы проходим на кухню. Диана готовит чай. Она действительно красива. Я гляжу на нее и не могу оторваться. Она чувствует мое восхищение и это ее радует. Мы пьем чай из красивых фарфоровых чашек, едим печенье «Мария», смотрим друг на друга, улыбаемся.

– Александр, а вы верите в любовь с первого взгляда, а?

– Конечно, верю. Я по-другому не умею. Во всех своих женщин влюблялся с первого взгляда. И ни разу не пожалел.

– Я тоже верю. Любопытно, а вас не испугает мой стремительный напор?

Диана вдруг садится ко мне на колени и начинает целовать меня в щеку и в ухо. Для меня это, конечно же, неожиданно. Обычно быстрый переход от разговора к поцелуям в

первый же день знакомства происходил у меня только в пьяном состоянии. Но мы были трезвыми. Отбросив замешательство, я отвечаю:

– Ваш стремительный напор меня восхищает.

Я глажу и перебираю ее шикарные волосы. Наши губы встречаются. И нам это нравится, поэтому поцелуй затягивается минуты на четыре, потом встречаются наши языки. Ощущение такое острое /приятное/, что у меня начинаются легкие спазмы в нижней части живота. Шикарная женщина шикарно целуется. Моя голова начинает кружиться. И я не хочу ни о чем думать. Мысли сейчас не нужны, они лишние. Я снимаю с нее серебристое платье и бросаю его в кота Фагота, сидящего на холодильнике. Нечего на нас пялиться! А Диана раздевает меня и швыряет вещи на пол.

Наконец мы обнажены. Да, действительно, мне досталась если не богиня, то королева. И очень решительная. От момента нашего знакомства прошло каких-то два часа, а мой возбужденный фаллос уже вошел в ее сладкую влажную пещерку. Я сижу на стуле, Диана сидит на мне, крепко обнимая меня руками за шею и ритмичными движениями бедер заставляя наши тела активно общаться. При каждом ее толчке /ударе/ стул сдвигается по паркетному полу на три сантиметра, а Диана стонет и считает свои удары /толчки/. На пятидесятом мы добираемся от кухни до прихожей, на сотом – через прихожую до комнаты, а на двухсотом комната заканчивается, мы утыкаемся в стену, и Диана бурно кончает, больно вцепившись в мою спину и называя меня любимым. Потом на несколько минут она замирает. А когда открывает глаза, то начинает мне улыбаться и спрашивает почему-то шепотом: «А где я нахожусь? Куда ты меня забросил, Сашенька? Это было великолепно. Ты позволил мне добраться до вершины. Я тебя очень прошу, в следующий раз будь таким же терпеливым. Позволь мне опять взобраться на эту чудесную гору».

Мне нравится, что мы перешли на «ты», и мне нравится вдвойне, что будет следующий раз. Секс с такой женщиной – это праздник для моего тела. И еще, я очень доволен, что ей было со мной хорошо. Немножечко, правда, обидно, что такие приятные мгновения заканчиваются. Но прошел вечер, и мне приходится уходить.

И в прихожей, целуя Диану на прощание, я подумал с испугом: «А не приснилось ли мне все это?» И чтобы это проверить, я прошу ее:

– Диана, ущипни меня, пожалуйста.

И когда она исполняет мою просьбу и довольно болезненно щиплет за руку, я улыбаюсь, как бедняк, выигравший миллион. Она существует!!!

Этот душка Амур не устает стрелять в мое сердце. Очень сладостное ощущение. Наверное, я – мазохист. А душка Амур, получается, что – садист.

Заехал в гости к моему отцу. Его тоже зовут Александром. Вернее, меня тоже. Он – шестидесятилетний мужчина в расцвете сил. Не пьет, не курит, утром и вечером пробегает по семь километров. С женщинами не спит (с мужчинами тоже). Правильно, с его точки зрения, питается. Много читает, но только техническую литературу, до художественной не опускается. Смотрит по телевизору исключительно политические программы. О сексе со мной не разговаривает, потому что считает меня еще маленьким. Планирует дожить до ста четырех лет, как его дед. Рядом с ним живет мой попугай Бахус, которого я подарил отцу в день его рождения.

Бахус – алкоголик со стажем. Уже десять лет назад, с тех пор как я выиграл его в карты у одного приятеля, он ежедневно выпивал по пятьдесят граммов водки. И если напитка не хватало, он устраивал скандалы, выкрикивая на всю квартиру: «Дай водки, сволочь! Дай водки!»

Отец был покорен этими криками с первых мгновений знакомства с попугаем. И ежедневно приходил ко мне в гости, чтобы повидаться со своим любимцем. А когда я подарил ему попугая, он перестал приходить ко мне. Но зато я стал забегать к отцу через день. Вот и сегодня прибежал к отцу, прошел комнату, где сидел в клетке попугай Бахус, угостил того водкой, которую принес специально для него и похвастался о моем удачном знакомстве с Дианой. Попугай выслушал меня и сказал одно слово: «Классно!» А отец, который ничего не слышал, прокричал из кухни, где он жарил картошку с рыбой по-польски: «Человек предназначен для счастья, как страус для полета!»

Если, положив руку женщине между ног, ты почувствовал, что рука попала в капкан, то, скорее всего, ты напоролся на женщину-охотника.

Знакомый пятидесятилетний мужчина, по имени Вадим, провалился в канализационный колодец и сварился в кипятке, которым был заполнен колодец. Где-то прорвало трубу. Любопытно, что Вадим обожал есть вареных в кипятке раков. И вот сам стал вареным. Судьба сравнивала его с раками.

Если тебе нравятся все встречные женщины, то либо ты не женат, либо твоя жена пуританка.

У меня появилась дурная привычка: не могу, как раньше, читать одну книгу от начала до конца. Читаю несколько. Вот и сегодня полчаса читал «Бедные люди» Достоевского. Надоело. Полчаса читал «Женщина в песках» Абе Кобе. Надоело. Полчаса читал «Центурии» Нострадамуса. Ничего не понял. Надоело. Полчаса читал стихи Александра Блока. Не успело надоесть. Прибежал из кухни мой черный котик Боцман, запрыгнул на стол, сел на книгу и заорал: «Рыбы хочу! Рыбы хочу!» Вообще-то он мяукал, но я понимал, что он просит рыбу. Пришлось бросить Блока и идти за деньгами к маме, чтобы купить коту рыбу.

Кошек заводят в доме исключительно для того, чтобы они обдирали обои со стен, царапали мебель и регулярно гадили в самых труднодоступных местах (но к Боцману это не относится).

Моя мама опять вышла замуж. Уже в двенадцатый раз. Молодец. Ей пятьдесят пять. Она в хорошей физической форме. Красива и остроумна. Многим мужчинам это очень нравится. А маме нравятся многие мужчины. После развода с моим отцом, она выходила замуж семь раз. А отец больше не женился. И женщин обходил стороной. Но мне ближе и понятнее мамина жизненная позиция. Человек обязан брать и отдавать. А для этого ему необходимо вступать в борьбу-дружбу с иным полом. Мама обрадовалась моему приходу и уже в прихожей затараторила:

— Александрик, крошка, очень рада тебя видеть. Заходи. Я как раз приготовила для Платона (ее новый супруг) щи и кашу. Он придет с работы пообедать. Тебя тоже накормлю на два дня вперед.

— Да я уже ел час назад.

— Я знаю, что ты плохо поел. За тобой же никто не следит, не ухаживает. Вон как исхудал бедняжка, я испеку блинчиков. И если ты меня уважаешь, то все, чем я буду тебя угощать, обязательно съешь, Александрик. У тебя опять синячок под глазом. Ты же вроде бы уже не пьешь. Кто тебя приласкал?

— Мальчишка снежок бросил.

– А мальчишка был в милицейской форме, да? А ты не хотел подчиниться чужой воле, как всегда. Александрик, ты бунтарь и неудачник. Потому что бунтари не бывают удачниками. Проходи на кухню. Садись за стол. Я буду кормить тебя здоровой пищей. А для здорового мужчины здоровая пища – это большой кусок мяса. Как твои дела с устройством на работу?

– Пока никуда не берут.

– Но у тебя же отличное здоровье и высшее образование. Ты можешь пойти грузчиком на склад. Говорят, им платят бешеные деньги, которые позволяют не умереть от голода. А если ты способен не умереть от голода в России, значит, ты еще молод и силен. От голода умирают в основном пенсионеры. Поэтому я не желаю быть пенсионеркой. Умру прямо на работе. Кушай огурцы с помидорами. Платон их сам вырастил на даче. Александрик, а ты кота не забываешь кормить? Бедненький Боцман, наверное, тоже голодает, как и его хозяин.

– Я и пришел за деньгами, чтобы купить коту рыбу. Подкинь пару сотен, мам, бедному интеллигенту.

– Вот выдумал: интеллигенту! Александрик, ты же очень грубый мальчик и сам об этом знаешь. Все твои жены сбегали от тебя, столкнувшись с этим. Но на ошибках учатся. Ты изменился. Не куришь, не пьешь, работу ищешь, роман пишешь. В тебе начинает просматриваться настоящий мужчина. Попробуй ветчину с сыром и рыбой, Платоша обожает под грецкие орехи. Поживи с годик в таком режиме – и можешь снова жениться. Хотя, если честно признаться, мне очень жаль, что твоя Вера-Верушка бросила тебя, может быть, ты попробуешь ее вернуть. И начать все сначала, а?

– Да нет, это исключено. Я уже другой человек, в другой жизни. И тени прошлого меня пугают. Мам, подкинь пару сотен для голодного кота.

– Ну конечно, помогу-подкину. Хотя, Александрик, для кота на этой неделе я подкидываю уже в третий раз по двести. Что-то много он стал съедать. Наверное, влюбился. Александрик, попробуй бананы с брусникой и медом. Платон выдумал. Очень неплохо получилось.

Я попробовал бананы с брусникой и понял, что наелся на три дня вперед. Платону, наверное, нелегко приходится от маминого хлебосольства.

Говорят, когда Амундсен ехал открывать Северный полюс, ему навстречу попался человек, сказавший по-русски: «Товарищ, там кроме снега ничего нет, я уже проверил». Но Амундсен не знал русского языка и поехал дальше, и открыл полюс.

Зашел сегодня в ломбард, хотел заложить золотое обручальное кольцо. Передо мной в очереди стоял крепкий мужчина интеллигентного вида, с приветливым лицом. Мы с ним разговорились о всяких пустяках. И во время нашего разговора я вдруг заметил, что мужчина очень внимательно заглядывает ко мне в рот. Я поинтересовался, не стоматолог ли он. Мужчина засмеялся и рассказал, что его работа действительно связана с удалением золотых коронок из полости рта зазевавшихся граждан. Оказывается, очень не просто обнаружить на улице человека с золотыми коронками, поэтому приходится много общаться, а когда клиент обнаружен, то обработать его можно с помощью плоскогубцев, в течение минуты. И за день удается пропустить до двадцати человек. А в конце недели он обычно сдает коронки в ломбард. Денег хватает и на хлеб, и на масло, и на черную икру.

Один знакомый историк по интересам и сантехник по труду рассказывал мне, за кружкой пива, что скульптор Петр Клодт до потери пульса ненавидел Наполеона Бонапарта. И родилась эта ненависть вот после каких событий. Во время своего наезда на Россию Наполеон как всякий нормальный император не пропускал ни одной юбки, и, что вполне естественно, оставил неучтенное количество потомков – не такое большое, как в Европе, но и

не меньше, чем в Африке. Так вот, одной из девушек, покоренных императором, была родственница Клодта. Все было бы прекрасно, но с Наполеоном в тот день произошел маленький конфуз, у императора не встал, и родственнице Клодта пришлось уйти ни с чем /не солоно хлебавши/. Обидно, конечно, но что тут поделаешь. И за эту слабость скульптор Клодт ненавидел Наполеона до такой степени, что у одного из коней, стоящих ныне на Аничковом мосту, между ног вместо полового органа мастер вылепил голову императора. Это можно легко проверить, необходимо только найти крайнего коня и заглянуть ему между ног.

Женщина – это таинственный лабиринт с чудесным входом. Мужчина – это вечно жаждущий войти в лабиринт путник, обладающий волшебным ключом, отпирающим чудесный вход.

Позвонил Диане. Я предполагал, что она не узнает меня, но ошибся. Она так бурно обрадовалась, что я расплылся в улыбке. А Диана говорила:

– Сашенька, Сашенька, это же великолепно, что ты позвонил. А я боялась, что ты меня позабыл. Ушел и забыл. Я так боялась этого. В прошлый раз я была очень нетерпелива и безрассудна. Но познакомившись с тобой, я не хотела и не могла думать. Ты покоришь и очаровал меня, как надежное дерево – перелетную птицу.

– А я и не знал, что похож на дерево. А что касается надежности, то ты ошибаешься. Всем моим женщинам я принес разочарование.

– Просто они неправильно тебя оценили, Сашенька, они любили себя рядом с тобой. А нужно было просто любить тебя. Таким, какой ты есть на самом деле.

– На самом деле я был пьяным, вонючим, очень агрессивным и нищим.

– Эти мелкие недостатки можно исправить.

– У моих женщин не хватало терпения.

– Значит, это были не твои женщины.

– Возможно, не мои. Но чтобы это понять, нужно было пожить рядом с ними. Знаешь, великолепная охотница, мне очень приятно с тобой разговаривать.

– Мне тоже. Моя интуиция подсказывает, что ты – свой. А в этом огромном городе Петербурге так мало своих.

– Диана, мы расстались только вчера, а я уже скучаю по тебе. Я хочу тебя и не могу этому сопротивляться. Давай сегодня встретимся.

– Сашенька, я тоже этого хочу, но, к сожалению, не могу: через час уезжаю в командировку, в Москву. Когда я вернусь, то сразу же позвоню тебе. Целую тебя две тысячи раз.

И Диана положила трубку.

Терпеливому рыболову доступна царь-рыба, а терпеливому Дон Жуану – царь-дива.

Декабрь. Зима. День короткий до омерзения. И длинная, длинная ночь. Я разленился, сплю по десять часов в сутки. Смотрю по три-четыре плохих кинофильма за вечер. Ем много сладкого и мучного. Пугаюсь своего отражения в зеркале. И завидую людям, выигравшим миллион.

Через месяц мне стукнет тридцать шесть лет. В прошедшем году я наконец-то бросил пить. Для этого необходимо доказать самому себе, что ты болен, и если доказать удастся, то принимаешься с этой болезнью бороться, выталкиваешь ее из себя в другое измерение. А когда это получается, вдруг начинаешь чувствовать себя подростком в начале жизненного пути. Я тридцатилетний подросток, которому необходимо и дом построить, и дерево посадить, и ребенка родить. Очень неплохо, что я это осознаю.

Птица, которая может во время полета остановиться, зависнуть и полететь задом наперед, конечно же вызывает восхищение. А имя ее – Колибри.

Говорят, Казимир Малевич рисовал ежедневно до тридцати черных квадратов. И так продолжалось до конца его жизни. Трудно теперь сказать, какой же из квадратов оказался гениальным.

Как-то я помогал одному немощному старику перебраться с одной стороны Невского на другую. При каждом шаге из штанин хрыча сыпался песок, из глаз капали слезы, из ушей вырывались струйки дыма, в позвоночнике что-то скрипело и хрустело. Вцепившись в меня своими иссохшими ручками, он тоненьким венским голоском лепетал мне: «Спасибо, миленький, пожалел дедушку, не оставил сиротинушку». А когда мы благополучно перешли проспект, он вдруг взял и поцеловал мою руку. Я так расчувствовался, что подхватил старичка на руки и за десять минут добежал до его дома, преодолев расстояние в два километра.

Одна симпатичная аппетитная женщина пригласила меня в гости, на рюмочку чая. Я пришел в назначенное время и был удивлен видом ее квартиры: с потолка свисала паутина, обои на стенах были грязными и рваными, пол, вероятно, не мыли полгода, в ванной плеснело грязное белье, на кухне громоздилась немытая посуда. А женщина, нисколько не смущаясь, объяснила мне, что она не собирается тратить свое драгоценное время на бытовые проблемы, пока по телевизору демонстрируют такие удивительные, поразительные, захватывающие сериалы, отображающие настоящую жизнь настоящих людей.

Надпись на кабинете стоматолога: «Чем больше денег вы отдадите доктору, тем меньше боли он вам причинит».

Мой дедушка купил новый японский телевизор. А я дотащил его телевизор от магазина до квартиры деда.

Деду восемьдесят шесть лет. Но он еще бравый мужчина, не пропускающий ни одной юбки. В прошлом году он развелся с бабушкой, потому что влюбился в молодую двадцатипятилетнюю медсестру Люсю, которую дед при удачном стечении обстоятельств лишил девственности. Дед был опытным казановой. И за два месяца их близости Люся была покорена им и духовно, и физически. Дед тоже увлекся молоденькой женщиной и, когда та предложила совместную жизнь, он согласился и развелся с бабушкой. Бабуля этому чрезвычайно обрадовалась и уехала к сестре в Москву. А Люся переехала к деду.

Они казались счастливой парой. И хотя дед был пенсионером и не работал, но зато он готовил обеды и ужины, стирал белье, убирал в квартире и ходил в магазины. А Люся как более молодая и выносливая работала на двух работах. А вечерами, встречаясь, они пели о любви.

И вот дед купил японский телевизор для Люсеньки, потому что та без «ящика» никогда не жила. И когда перебралась к деду и не обнаружила у того ящика, то была очень расстроена /опечалена/. Я дотащил груз до места его стоянки. Распаковал картонную коробку, вытащил телевизор и установил его на столик /тумбочку/. Люся была на работе. Дед был в восторге от красивой упаковки. На телевизор он даже не взглянул. Я торопился, поэтому оставил деда восхищаться коробкой в одиночестве. А уходя, попросил его позвонить мне вечером и рассказать о своих впечатлениях. Тот пообещал. И я убежал. Но вечером он не позвонил. Тогда я начал звонить каждые полчаса, но никто не поднимал трубку. Через три часа я разволновался и позвонил Люсе на работу. Она мне пожаловалась, что тоже не может

дозвониться до Петеньки (моего деда) и очень от этого тревожится /переживает/. Я бросил трубку и помчался к деду. Ключ от его квартиры у меня имелся.

Открыв входную дверь, я вбежал в комнату и увидел в центре на полу упаковку /картонку/, из которой торчали голова и ноги деда. Его лицо было красным, а голос хриплым:

– Сашка, паршивец, вытащи меня скорее из этой сраной коробки, а то обоссусь. Я и не думал даже, что она такая прочная. Сел туда нечаянно, сразу после твоего ухода и не смог освободиться, и рук не могу вытащить. Сраная картонка! Оказалась сильнее меня, Петра О'Бухаря, капитана второго ранга! Я же моими руками кирпичи крушил. А сегодня картонную коробку не смог разломать. Твою мать! Сашка, вытаскивай меня скорее из японского плена!

Как говорит мой прадедушка, когда ему приходится туго в жизни: «Любому человеку трудно жить только до семидесяти лет, а после семидесяти жить еще труднее».

В двадцать четыре часа на улице было темно, холодно и безлюдно. Их автобуса вышла женщина и торопливо пошла к дому по обледенелому асфальту. От остановки вслед за ней последовал мужчина, которого женщина не замечала.

Над домами висела полная луна. Деревья, украшенные снегом, казались неживыми /мертвыми/. Мороз был небольшим, но женщина, одетая не по сезону, мерзла и торопилась поскорее добраться до теплого дома. День был тяжелым, она устала. И шла почти автоматически, погруженная в свои размышления, и не обращая внимания на окружающие детали. Точно так же она бегала пять раз в неделю. С работы домой. К любимому мужу, к контрастному душу, к вкусному ужину, к любимым дискам /пластинкам/, к интересной книге на полчаса, к привычному скучноватому сексу и к блаженному /приятному/ погружению в сон.

Мужчина следовал за женщиной в трех шагах. Шел уверенно и бесшумно. Он знал, чем все закончится. И поэтому не тормозил свое возбуждение. Женщина вошла в парадный подъезд. Мужчина скользнул вслед за ней. Она склонилась к почтовому ящику, и в этот момент рука мужчины, сжимающая носовой платок, пропитанный каким-то дурманящим веществом, укрыла лицо женщины. Она два раза судорожно дернулась, два раза глубоко вдохнула в себя резкий, неприятный запах и обмякла. Мужчина подхватил ее на руки и спустился в подвальное помещение. В маленькой комнатке без окон было жарко, светло, чисто. У стены стоял кожаный диван. Мужчина прикрыл ногой дверь, осторожно уложил женщину на диван и стал ее раздевать. Куртка, кроссовки, джинсы, рубашка – полетели на пол. Он перевернул ее на спину, снял с нее трусики, поднял ее ноги вверх и развел их в стороны. Мужчина довольно заулыбался и сказал: «За это можно все отдать, уже много лет этот великолепный пейзаж мне не надоедает, слава богу». Он встал на колени рядом с диваном, ноги женщины опустил ему на плечи, и начал целовать ее нежную вагину. В этот момент женщина открыла глаза и тут же их зажмурила, потому что мужчина очень активно начал лизать ее клитор. Наверное, в такой ситуации оказывать какое-то сопротивление бессмысленно. Женщина это поняла и сдалась на милость победителя. Тем более, что язык мужчины был огромным и горячим, он вибрировал внутри женщины и зажигал в ней множество фейерверков; женщина стонала и кончала многократно... Через час мужчина резко встал с пола и ушел...

А я проснулся с улыбкой. Этот сон снится мне уже в четвертый раз за неделю. Знакомый психотерапевт рекомендовал побольше секса. Но Диана в командировке, неизвестно, когда вернется, а других женщин мне не хотелось, во всяком случае, сегодня.

Мне, конечно же, повезет, если я женюсь на дочке президента. Я это прекрасно понимаю и, выходя на улицу, начинаю знакомиться со всеми симпатичными женщинами. Но ино-

гда внутренний голос меня охлаждает словами: «А вдруг у президента сын?» Я останавливаюсь, замираю. И начинаю знакомиться со всеми симпатичными мужчинами. Но внутренний голос мне намекает: «А вдруг президент бездетный?» Я соглашаюсь с внутренним голосом и иду пить пиво.

Любопытно. Моя мама накаркала /напророчила/ мне работу грузчика на складе и не ошиблась. Уже целую неделю перевожу на рохле с места на место различные коробки с конфетами. Рохла – это тележка, а я двигатель этой тележки. Весь день в хорошем /энергичном/ темпе нагружаю, перевожу, разгружаю. Стоит расслабиться и замедлиться, и сразу же кто-то из командиров начинает мне кричать: «Двигайся быстрее, водитель кюхли, а то не заработаешь даже на водку!» Поначалу меня удивило, что рохлю называли кюхлей, но когда пояснили, то стало понятно. Оказалось, начальник склада большой поклонник творчества Кюхельбекера /собутельника Пушкина/, кличка которого была Кюхля. И в честь любимого поэта он попросил своих непосредственных подчиненных называть рохлю кюхлей. Все с этим согласилось, потому что всем было все равно. И рохла стала кюхлей. А грузчик – водителем кюхли. Хотя на самом деле я был двигателем.

Горшки, конечно же, обжигают не боги, но и не грузчики.

Моя зарплата позволяет мне круизы только по Петербургу.

В Петербурге сильнейший зимний шторм. Утром я выскочил из непарадного подъезда, чтобы добраться до работы, которая находится недалеко от метро «Пионерская», и заблудился в снеговой круговерти. Ветер дул одновременно со всех сторон, и обильный снег летел со всех сторон. Отойдя от дома на двадцать метров, я уже не видел дома. Под ногами была дорога, которая вела к автобусной остановке. До остановки от моего дома примерно двести метров. Но я прошагал минут пять, проваливаясь в снег по щиколотки, а остановку не нашел.

Я шагал уже полчаса, а остановка не появлялась. Если так пойдет дальше, то опоздаю на работу, а мне опаздывать нельзя, потому что работаю только вторую неделю, а мой испытательный срок – месяц. И во время этого срока я должен показать себя с лучшей стороны, настоящим грузчиком, для которого погрузка и разгрузка – это главное наслаждение в жизни.

Мужчина, выскочивший из снежного облака, прокричал мне навстречу:

– Снег и ветер на всем белом свете, только снег и ветер! И больше ничего!

И пропал за моей спиной.

Действительно, снег и ветер на всем белом свете. Иду уже около часа, а остановки все нет и нет. На работу уже опоздал. Но не это главное. Главное – дойти до остановки. Впрочем, главное – это не умереть. Я иду уже не по дороге, а по какому-то полю, проваливаясь в сугроб выше колен. Как будто живу не в Петербурге, а в какой-то деревне. Иду от северной окраины города к центру уже больше часа, а не столкнулся ни с одним домом.

– Ау-у! Дома! Где вы!? – ору я изо всех сил. Но мой ор /крик/ пропадает в надрывном хохоте, плаче и свисте ветра. Он, конечно же, главный на улицах Петербурга. Прекрасно это понимаю, поэтому замолкаю и иду дальше.

Проходит еще около часа и из снежного месива навстречу мне выныривает мальчик, едущий верхом на белом осле. Поравнявшись со мной, мальчик кричит:

– Вы не подскажете, далеко ли до цирка? Нас пригласили на день рождения медведя. Мы выехали из дома Пионеров на Невском проспекте. И едем уже третий час, а цирка все нет и нет!

Я объясняю мальчику, что тоже заблудился и не могу понять, где Север, а где Юг. Не могу понять, где Петербург с его домами. Мальчик разворачивает белого осла и мы

уже втроем пробираемся сквозь кипящее снежное море. Втроем веселее. Ветер продолжает яростно дуть со всех сторон. Куда ведет нас наш странный жребий, неизвестно, но идти надо /необходимо/, потому что это не дурной сон, а дурная явь. Кстати, я мог бы утром не вылезать из теплой постели в шесть часов. Спал бы и спал часов до двенадцати (или до обеда) и не насиловал бы сейчас свои ноги. Не зря говорят: дурная голова ногам покоя не дает.

От моих мыслей меня отвлекает мальчик, он стучит меня сзади по плечу и кричит:
– Мне кажется, нужно повернуть направо!

Мне все равно, куда поворачивать, поэтому поворачиваю направо и иду, проваливаясь в снег по щиколотки. Наверное, мы вышли на какую-то дорогу. Проходит еще час, но ситуация не меняется. Снег и ветер на всем белом свете. Снег и ветер. Я спотыкаюсь обо что-то и падаю. Этим «что-то» оказывается труп замерзшего мужчины. Он умер уже несколько часов назад, поэтому успел стать ледяным, как и снег, который его окружает. Помочь ему мы уже не в силах, но мальчик не хочет его бросать, надеясь на чудо. Мы грузим труп на осла и идем дальше: чтобы самим не стать трупами, нам необходимо идти, идти и идти, пока не встретится какой-нибудь дом. Но все дома пропали. Петербург исчез, растворился.

Странно, мой рабочий день уже заканчивается, а я все продолжаю искать автобусную остановку, чтобы сесть на автобус и ехать на любимую работу, грузить коробки с конфетами. А десятилетний мальчик Владимир спешит на день рождения медведя в цирк. Мы держимся за руки, чтобы не потерять друг друга, а белый осел, везущий труп незнакомою мужчины, не отстает от нас ни на шаг. Сильнейший снежный ветер надрывно хохочет, рыдает, свистит. Не могу понять: это испытание или предупреждение?

Примерно через час из снежного кипения выскакивает негр, он бежит с большой скоростью вокруг нас и орет:

– Я учитель русского языка! Твою мать! Из Америки! Твою мать! Первый раз в Петербурге! Твою мать! Я никогда не видел снега! Твою мать! И больше никогда не хочу его видеть! Твою мать!

Негр перестает орать и скрывается в снежном кипении за нашими спинами. Конечно же, ему не повезло. У Петербурга белая горячка. И общаться с больным неприятно, даже любящим его детям. Снег и ветер на всем белом свете. Снег и ветер. Проходит еще час, и... мы выходим к железнодорожному вокзалу в городе Пушкине. На вокзале тепло и многолюдно. Мальчика с белым ослом и трупом куда-то уводят. А меня поят сладким горячим чаем с водкой. Перемешанных в пропорции один к одному. Я выпиваю четыре стакана, забыв о том, что бросил пить алкоголь, и теряю сознание. А в себя прихожу в теплом вагоне электрички, подъезжающей к перрону Витебского вокзала.

На следующий день я узнаю, что меня уволили с работы за прогул. Обидно, но не быть мне грузчиком.

Не всегда уверен, что завтрашний день для меня наступит, поэтому откладываю важные дела на послезавтра.

После бочки дегтя хотя бы ложечку меда...

Ах, Диана, куда же ты запропастилась? Уже третью неделю я звоню тебе домой по пять раз в день, и никто не поднимает трубку. Я скучаю по твоему голосу, по твоему телу, по твоему разуму. Третью неделю я не занимаюсь сексом. Такого со мной не было лет двадцать. Ежедневный секс вошел в привычку, как и чистка зубов по утрам и вечерам. У меня много знакомых женщин, которые в любое время дня и ночи готовы раздвинуть ноги и впустить меня. Стоит мне захотеть, и я буду трахаться двадцать четыре часа в сутки. Но один день

с великолепной охотницей что-то во мне изменил. И третью неделю я не дотрагиваюсь до женщин, ожидая ее возвращения. Самец, живущий во мне, очень сильно бесится, он не привык к воздержанию. Он капризничает и орет на весь Петербург.

И, словно услышав его крики, вдруг звонит мой хороший приятель Владимир и предлагает, в счет погашения моих долгов, как следует оттрахать его жену, которой сегодня исполнилось тридцать лет. А лучший подарок для жены, по мнению Владимира, это хороший секс. Поэтому он мне и звонит. Если бы не долг, я бы отказал ему. Но долг платежом красен. Я соглашаюсь. Владимир привозит Ирину ко мне и уезжает. А мы три часа перемещаемся из ванной в кровать, с кровати на пол, с пола на стол, со стола в ванную. Ирина покорена моим самцом. Я же удивлен тем, что тридцатилетняя женщина, прожившая замужем десять лет, не умеет нормально трахаться, а целуется, как семиклассница. Советую ей прочитать «Кама Сутру». А она мне с обидой отвечает, что детскую литературу уже не читает. Ах, Диана, спаси меня от дилетантов!

Если, занимаясь сексом, вы мысленно разбираете шахматную партию, сыгранную вами накануне, то, скорее всего, вы шахматист от бога.

Знакомый искусствовед по интересам и токарь по труду рассказал мне подлинную историю создания скульптурной группы «Самсон, разрывающий пасть льву» в Петродворце. Оказывается, статуя Самсона – это точная копия, один к одному, Петра Первого, а лев – точная копия шведского короля Карла.

Если вы хотите посмотреть на бомжа, то приходите на помойку. Кто-нибудь из них наверняка будет копаться в мусорном бачке, ища чуточку черной икры. Бомжи просто не могут нормально жить без черной икры. И когда икры не хватает, бомж начинает испытывать дискомфорт, мир вокруг окрашивается в серые тона, и чтобы спастись от серого монстра, бомж пьет алкогольные напитки. А поскольку в Петербурге очень не просто отыскать в мусорном бачке черную икру, петербургские бомжи не бывают трезвыми.

Мои ласковый черный котище Боцман очень любит женщин (не меньше, чем я), и когда они приходят ко мне в гости, он уже не отходит от них, трется о ноги, урча от восторга и жмуря свои огромные лунные глаза. И ему в эти мгновения трудно отказать в ласке. А женщины и не отказывают. И невозможно определить, кто из них получает большее наслаждение.

А вот мой говорящий попугай Бахус очень не любит женщин, и, когда они приходят в гости, он своим писклявым пронзительным голосом начинает орать из клетки: «Суки! Суки! Суки!» И чтобы он заткнулся, нужно бежать и набрасывать на клетку черную тряпку.

Зашел в «Дом книги» на Невском. Хотел купить книгу Ромена Роллана. Взял ее в руки и на задней стороне обложки прочитал: «Ромен Роллан – это Лев Толстой Франции. М. Горький». Прочитав это, я сразу же вернул книгу на место: Льва Толстого уже читал. И купил томик Хорхе Луиса Борхеса, который, наверняка, не Лев Толстой Аргентины.

Новый год на носу. А в карманах моих ни гроша. То, что заработал на погрузках-разгрузках, – проиграл игровому автомату у метро. За десять минут он обыграл меня вчистую. Мой внутренний голос не успел мне ничего подсказать. Этот нахальный ящик всосал в себя все мои денежки, которые я зарабатывал три недели и даже не сказал спасибо. Неблагодарная тварь! Не могу понять, на что же я рассчитывал, когда начинал игру.

Скорее всего, я поглупел, после того как бросил пить. Но что бы я ни говорил, денег от этого все равно не прибавится. До Нового года всего два дня. В долг никто из знакомых не даст, потому что я всем должен. У мамы просить неудобно, у отца бесполезно. Что же может сделать тридцатишестилетний здоровый мужчина в данной ситуации? А он может своровать или ограбить. Но я однажды своровал /спер/ четыре картофелины на овощной базе и пронес через проходную в потайном кармане фуфайки, так мне после этого было так плохо, что я не пил две недели. И в зеркале не мог смотреть на себя полгода, сразу тошнило.

А вот грабить я еще не пробовал. Но пока у меня не съедет крыша, грабить не буду. И получается, что ничего-то я в жизни не умею: ни воровать, ни грабить, ни вагоны разгружать, ни дома строить, ни водку пить. А может быть, я должен играть на сексофоне, как бог лесов и полей Пан, который был классным сексофонистом?

«Женская красота – страшная сила», – подумала медуза Горгона, увидев свое отражение.

Дуракам везет. Сегодня повезло и мне. Ехал в переполненном автобусе, а какой-то мужичок залез ко мне в карман и вытащил бумажник с последними ста рублями. Вор выскочил на остановке. Я тоже. Погнался за ним. Догнал. Набил ему морду. Отобрал бумажник. Открыл. А там пачка стодолларовых купюр и ни одного рубля. Ошибочка вышла. А мужичок уже отбежал метров на сто. Я снова погнался за ним, но не догнал. Он успел запрыгнуть в тормознувшее такси и уехал перед моим носом, показав мне в открытое окно язык и два кукиша. Теперь я при деньгах, могу спокойно и весело встречать Новый Год.

Оказывается, Грибоедов А.С. хотел быть поэтом, но гениальный сатирик, живший в нем, боролся с этим изо всех сил. В результате борьбы появилось «Горе от ума». Александр Сергеевич с этим не смирился и продолжал писать плохие стихи, но сатирик все же был круче /значительнее/. «...нас благословили, я повис у нее на губах на всю ночь и весь день...» (Из письма Грибоедова к Булгарину о своей помолвке с Ниной Чавчавадзе).

Позвонил мой дедушка Петр. Ничего не объясняя, прорычал в трубку:

– Сашка! Со мной чрезвычайное происшествие. Купи бутылку водки и срочно приезжай!

И сразу повесил трубку.

Я быстренько помчался к деду, потому что если уж он попросил бутылку водки, значит, с ним действительно произошло что-то неприятное. Дед был трезвенником всю свою сознательную жизнь, несмотря на то, что служил на военном флоте. Как говорил мой отец: «Трезвенник на флоте – это белая ворона в стае черных. Черные уверены, что если ты не пьешь, значит у тебя не все в порядке с головой, а такому человеку нельзя доверять ничего серьезного». Поэтому мой дедуля ушел в отставку капитаном второго ранга, несмотря на то, что закончил академию и был классным специалистом в своем деле разрушения и уничтожения.

По дороге я купил бутылку Смирновской водки и баночку черной икры, которую дед очень уважал. Дед был таким мрачным, что я растерялся и спросил:

– Может быть, тебе вызвать доктора?

– В задницу доктора. Люсенька ушла от меня.

Мы прошли на кухню. Я поставил водку и икру на стол.

– И что же произошло, дедуля?

– Сашка, мой «Адмирал» не вставал три дня подряд. Три дня я ласкал влажную женскую вагинку и не возбуждался. Три дня я обнимался и целовался с обнаженной красивой женщиной, и это меня не взволновало. Мой Адмирал даже не шевельнулся. Такого со мной

никогда не было. Это же конец всем моим мечтам и планам. Мы с Люсенькой хотим ребенка, а теперь хрен под мышку. У капитана второго ранга Петра О'Бухаря не встает! Твою мать! Мой папа в свои сто лет двух любовниц имел! А мне всего восемьдесят шесть, и уже не стоит! Уже на свалку!..

Дед открыл бутылку с водкой и налил себе стакан.

– Сашка! А Люсенька думает, что у меня появилась любовница. Она оказалась очень ревливой девочкой. По ее мнению, я все силы отдаю любовнице, а ей не оставляю даже капельку. Но, Сашка, это же неправда. Я люблю Люсю!

Дед выпивает полный стакан водки, впервые в жизни. Из его глаз текут слезы, он кашляет и шепчет:

– Какая гадость! Какие же люди извращенцы.

Потом он сидит минут десять за столом, раскачивается из стороны в сторону и читает вслух стихи Пушкина, своего любимого поэта. Меня дед не замечает. Потом он валится грудью на стол и начинает храпеть. Я беру деда под мышки и тащу его в комнату. Кладу на диван. Укрываю покрывалом. Дед храпит и стонет во сне. Водка – это не его напиток.

Через час приходит с работы Люся. А я убегаю. Пускай они сами разбирается в своих отношениях.

Не могу привыкнуть к ботинкам с квадратными носами. Всего десять лет назад, в прошлом тысячелетии, я надевал зимой лыжные ботинки с такими же носами. Все модники носили тогда ботинки с острыми носами. И когда я появлялся на Невском проспекте в моих лыжных ботинках, то обладатели острых носов (а их было 90 процентов) смеялись, глядя на мои ноги. А сегодня, когда я выхожу на улицу, у меня создается впечатление, что все вокруг ходят в лыжных ботинках прошлого тысячелетия.

У меня громкий голос, и когда я не могу себя сдержать и ругаюсь с кем-нибудь в моей квартире на шестом этаже, то живущие на первом этаже отчетливо слышат все мои слова. А сегодня у меня было прекрасное настроение. Я открыл книгу Николая Гумилева и два часа от всей души декламировал его замечательные стихи. Мне казалось, что я разговаривал с небесами. То же показалось и жильцам моего дома. Они все проснулись, хотя не было еще и двух часов ночи, и вызвали милицию, которая часов до трех стучала сапогами в мои двери. Но у меня не было настроения открывать им. Не понимают люди настоящей поэзии.

Душа нараспашку может остыть.

Один мой знакомый экстрасенс уверяет: если взобраться на кобылу Мерного всадника и сесть позади Петра, то у всех без исключения улучшается кровообращение и пищеварение, вылечивается радикулит и остеохондроз, а если сесть впереди Петра у то у женщин вылечивается бесплодие, у мужчин – импотенция.

Вот и закончился первый год третьего тысячелетия. Мне уже тридцать шесть лет. Вчера еще было тридцать пять. А сегодня – бац! И уже тридцать шесть. И я уже не мальчик, беспечный и веселый. Не помню, когда в последний раз смеялся. Что-то со мной произошло – и не смеюсь, как раньше по поводу и без повода. Иногда только улыбаюсь осторожно – и все. С Верочкой развелся и больше не смеюсь. Она ушла и что-то унесла с собой, что-то большое и светлое. Верочка так сильно хотела, чтобы я бросил пить. И вот я теперь бросил пить. Но Веры уже нет рядом. И я не смеюсь, а только улыбаюсь.

Вчерашний день так же далек, как и трехтысячный, до обоих можно дотянуться только памятью.

Впервые встречаю Новый Год в одиночестве и без алкоголя. Ну не совсем в одиночестве, а вдвоем с котом Боцманом. Но он не умеет болтать. И поэтому говорю вслух за двоих. Алкоголь тоже есть, но я его не вытаскиваю из холодильника, потому что он (алкоголь) надоел мне до омерзения.

В прихожей звонит звонок. Я открываю входную дверь. В квартиру вваливается пьяный Дед Мороз в красной одежде, с большой белой бородой и с мешком подарков. Он с порога басит:

– Кто Александр?

– Я Александр.

– Осень хорошо. Я веселый дед Мороз и подарок вам принес! Получите.

И вручает мне тяжелую коробку. Я отношу коробку на кухню. Наливаю деду Морозу сто пятьдесят водки. Он выпивает и уходит. Похоже, что кто-то из моих родственников решил подшутить. Раскрыть коробку и осмотреть подарок не успеваю, как в прихожей звонит звонок. Я открываю дверь и впускаю второго пьяного деда Мороза, он в два раза меньше первого и с писклявым голоском:

– Кто Александр?

– Я Александр.

– Прекрасно. А я прикольный дед Мороз, вам подарочек принес! Получите, детка!

И вручает мне тяжелую коробку. Я ставлю ее в прихожей на пол. Наливаю деду Морозу сто пятьдесят. Он выпивает и уходит. Любопытно, кто же так лихо надо мной шутит? Родственники или друзья? Но приятно, приятно.

Раскрыть коробку не успеваю, так как в прихожей снова звенит звонок. Открываю дверь и впускаю третьего пьяного деда Мороза. Все происходит точно так же, как и с двумя первыми. А в течение следующего часа ко мне приходят еще восемь пьяных дедов Морозов, которые вручают мне одинаковые коробки. На чью-то шутку это уже не похоже. Когда уходит последний, я жду полчаса и осторожно открываю одну из коробок. Внутри сотня пластиковых упаковок с белым порошком. Каждая упаковка с мой кулак. Я вскрываю одну, осторожно пробую языком. Героин (или кокаин). И, похоже, неплохого качества. Ни хрена себе новогодний подарок ко дню рождения! Каждая коробка весит килограммов под семь. Значит, кто-то мне подарил семьдесят килограммов наркоты. Такая щедрость меня абсолютно не радует. Я предпочел бы, чтобы коробки были заполнены дерьмом. С ним безопаснее. И что же делать простому петербуржцу с таким подарком? Можно сдать в милицию, можно выбросить, можно продать, можно все оставить так как есть. Но ни один из вариантов мне не нравится. Я складываю все коробки на балконе. И мое грустное философское настроение становится скверным. Но алкоголь не пью, потому что он не поможет. И дома сидеть тоже не могу. И иду на улицу проветриться.

А когда закрываю входную дверь, то вижу, что номер моей квартиры из девяносто девятой стал шестьдесят шестым. Верхний гвоздик сломался и номер перевернулся. Теперь понятно, что деды Морозы ошиблись, они шли в шестьдесят шестую квартиру, а попали ко мне. Говнюки пьяные, не могли взглянуть на соседние номера. Я выхожу на улицу, и мое настроение немного улучшается, потому что люблю гулять в первую ночь Нового года по зимнему Петербургу. Греет кровь мою легкий мороз. Приятно скрипит снег под ногами. Почти на каждом перекрестке стоит елка, украшенная светящимися гирляндами. Улыбающиеся люди водят хороводы, поют и запускают в ночное небо фейерверки. Вряд ли можно увидеть столько довольных людей на улицах Петербурга в другое время.

Проанализировав происшедшее со мной, я прихожу к выводу, что для начала мне необходимо выяснить, кто живет в шестьдесят шестой квартире. Следующий мой ход я планировать не стал. И лег спать, поскольку утро вечера мудренее /или вечер утра глупенее/.

Если дорога, вымощенная благими намерениями ведет в ад, то в рай, получается, ведет дорога, вымощенная дурными помыслами...

«Любопытно, а что из этого получится?» – любит спрашивать мой знакомый, переходя улицу на красный свет светофора, но все машины не трогают его, пугаясь милицейской формы.

Если у тебя отказал парашют, расстраиваться ты будешь совсем недолго.

...Я бежал по коридору изо всех сил. Время от времени то справа, то слева встречались боковые коридоры. Иногда я пробегал мимо, иногда сворачивал. А за мной не стихал грохот шагов бегущего за мной преследователя. Он не спешил, потому что бегал быстрее меня и мог догнать в любую секунду. Он не спешил, потому что желал растянуть удовольствие на максимально возможное время. А я бежал изо всех сил по жуткому бесконечному коридору со светящимися стенами. Я не знал, куда бегу. Но остановить не мог, потому что не хотелзнакомиться с Минотавром поближе...

А проснулся я оттого, что мой милый котик Боцман начал очень уж активно стучать лапами по моей левой щеке и орать на всю квартиру: «Рыбы давай! Давай рыбы!» Я был настолько обрадован выходом из кошмарного сна, что вскочил с кровати, прошлепал до холодильника, стоящего в прихожей, достал банку черной икры, открыл ее и отдал Боцману, который обожал черную икру не меньше дедушки Петра.

Позвонил Марат и три часа читал свой новый роман. У него неплохо получается. Но три часа мне было бы сложновато слушать самого Хорхе Луиса Борхеса. Но тот не позвонил.

Любопытно, что же это за Александр живет в шестьдесят шестой квартире. Наверное, он очень сильно ждал новогодние подарки от одиннадцати Дедов Морозов, ждал и не дождался. А дождался я. И теперь не знаю, плакать мне или смеяться. И тут я вспоминаю, что в шестьдесят первой квартире живет мой знакомый алкоголик Крохин, или Кроха, как его все называют. Он занимает в долг у всех жильцов дома без исключения и про всех все знает. Я набираю номер Крохи и узнаю: Александр, живший в шестьдесят шестой квартире, сегодня ночью сгорел вместе с квартирой. Вот как! В моем подъезде был пожар, а я этого и не заметил. Да, а о порошочке на моем балконе не стоит и заикаться даже перед чужими домашними животными. Пусть это останется моей маленькой тайной. Моей и Боцмана.

Как говорила когда-то моя бывшая жена Рита (когда мы жили вместе, я называл ее Дездемоной): «Ах, Александр, твой холодный разум способен потушить любое чувство. Он (разум) похож на сумасшедшего пожарного, который, увидев огонек спички, тут же выхватывает из потайного кармана огнетушитель и тушит этот крохотный огонек. Не спеши тушить мои маленькие эмоции. И, может быть, ты сумеешь меня сохранить. Если бы не твой великодушный член, Сашенька, если бы не твои умелые ласковые руки, если бы не твой умопомрачительный язык, которые все вместе забрасывают меня в великую страну без названия, где я не чувствую себя человеком, женщиной, где исчезает время и пространство, где становишься духом, парящим среди звезд, где пахнет вечностью, без этого чуда, Сашенька, я давно бы бросила тебя с твоим сумасшедшим „пожарником“».

Даже в самой отвратительной бабенка живет Дульсинея, и если этого не заметить, то останется только отвратительная бабенка.

С удовольствием отмечаю, что я не самый плохой из мужчин. Это отмечали все мои жены, хотя эти же жены отмечали, что я и не самый хороший. Я – золотая середина. Мои хорошие качества уравниваются плохими. Я не хватаю звезд с небес, но и не живу, уткнувшись носом в дерьмо. Со мной не всегда хорошо, но и не всегда плохо. Плохой хороший человек – это я. Для меня очень, очень важно быть искренним и не делать зла. Это не всегда приводит к хорошим результатам, но я ничего не могу с собой поделать. Я такой, какой есть. Таким я родился, таким я и умру. А горбатого и могила не исправит.

Заходила в гости моя мама. У нее удивительная способность растягивать одно предложение на сорок минут. А она соорудила целых четыре предложения. После чего у меня заболела голова.

Кот Боцман, лежа на маминых коленях, в любовном упоении, беспрерывно урчал: „Кайф! Кайф! Кайф! Кайф!“ А у мамы улучшилось настроение и она, вспоминая моего отца, говорила уже не „старый двуногий козел“, а „пожилой сатир“.

Действительно, удивительная книга Сервантеса „Дон Кихот“: начинаю читать ее уже в двенадцатый раз и не могу прочесть больше десяти страниц.

Один знакомый гомосексуалист мне как-то говорил, что самый значительный, самый красивый, самый поэтический мост Петербурга – это Синий мост, а почему он так считает, объяснять не стал.

Это так тоскливо – ложиться спать одному. Не чувствовать рядом горячее страстное нежное женское тело, не шептать слов любви. Не брать и не отдавать. Конечно же, чтобы сперма не ударила в голову, можно и нужно помастурбировать. Но это похоже на хождение с костылями. Предпочитаю ходить без костылей. Предпочитаю брать и отдавать, шепча слова любви и лаская горячее, страстное, нежное женское тело.

Несмотря ни на что, мне нравится жить. У меня пока есть немного денег. И они позволяют мне бездельничать и поступать в зависимости от моего настроения. Деньги дарят мне свободу. И поэтому я сплю до одиннадцати, а потом намыливаюсь в Эрмитаж. Любопытно: пока мне не стукнуло тридцать, я посещал многие музеи Петербурга, а после тридцати – только Эрмитаж. Обязательно, хотя бы раз в месяц, я должен походить по его коридорам и лестницам, подышать его воздухом, подпитаться его энергией. Без этого я и не могу нормально жить, как наркоман без дозы.

А говорят еще, что Александрийский столп имеет высокую ценность для Петербурга, но вот уже вторую сотню лет его никто не стибрил /не украл/, выходит, не такой уж он и дорогой /в смысле, ценный/.

Добегаю до остановки, запрыгиваю в трамвай и еду к центру. В вагоне три пассажира: два негра и я, бледнолицый русский, а может, и не русский, но бледнолицый. Ко мне подходит кондуктор – азиатского вида мужчина – и предлагает купить у него билет. Я покупаю билет, и он проходит к неграм, которых тоже билечивает. Затем кондуктор возвращается ко мне и снова предлагает купить билет. Я покупаю второй билет. А кондуктор опять

идет к неграм, которых обилечивает. А потом кондуктор идет ко мне.... и я покупаю третий билет. Мне уже интересно ехать, но чтобы не спугнуть кондуктора и не сломать ситуацию, я ни о чем не спрашиваю и продолжаю покупать билеты. Негры тоже ничему не удивляются и продолжают обилечиваться. На протяжении двадцати минут в трамвай больше никто не садится. А кондуктор продолжает делать свое дело и продает нам билеты. Наконец подъезжаем к площади Восстания. Мне нужно выходить. Я покупаю последний, двадцать первый, билет и спрашиваю у кондуктора:

– Скажите, уважаемый, а вам не кажется, что вы продали мне несколько лишних билетов, а?

– Возможно, возможно. Но у меня плохая память на лица. И все петербургские чурбаны для меня на одно лицо, как пингвины.

Я смеюсь и выхожу. На Невском, как всегда, излишне много народа и машин. Будь моя воля, ни одна машина не выехала бы на Невский. Но я, к сожалению, не губернатор. Впрочем, губернатором я бы не согласился стать ни за какие коврижки, потому что не люблю коврижки.

Вокруг меня сотни людей, и все куда-то спешат, все торопятся. А я не спешу. И может быть, поэтому ко мне через каждые сто метров пристает кто-то из попрошайек. Одному я даю червонец, другому рубль, а третьему носовой платок, пропитанный моими соплями. Нищий благодарит и начинает платок разворачивать. А потом кричит мне в спину:

– Козел!

Я улыбаюсь и иду дальше.

Вот наконец-то и Зимний, похожий на огромный торт. Наверное, архитектор Растрелли не доедал в детстве сладкого, и образ торта в его подсознании затмил все остальное. На контроле я показываю удостоверение дружинника, и меня пропускают. Хотя халявные деньги от обокравшего меня жулика есть, но я не плачу за вход по привычке. Обычно я предъявляю какое-нибудь дурацкое удостоверение, здороваюсь, пристально смотрю в глаза контролеру, и в девяносто девяти случаях из ста меня пропускают.

А внутри Эрмитаж действительно красив. Я смотрю на картины, на скульптуры, на вазы и радуюсь. Пусть их было не много, но они были, люди, которые занимались настоящим делом. От приятного созерцания меня отвлекает вопрос красивой женщины в белом:

– Вы не подскажете, откуда доносится музыка. Эта чудесная музыка преследует меня уже полчаса. И я не могу понять, где же ее источник?

– Это музыка сфер. И если вы ее услышали впервые, значит, вам повезло – вы стали более совершенным человеком внутренне. Внешне вы уже совершенны.

– Спасибо за комплимент.

– Это не комплимент, а констатация факта.

– А меня зовут Маргарита. Я впервые в Петербурге и впервые в Эрмитаже.

– А меня зовут Александром. Я тридцать шесть лет в Петербурге и тридцать из них в Эрмитаже.

– Вы счастливый человек.

– Да, и это меня радует.

Потом к нам присоединяется спутник Маргариты – Владлен. И я с сожалением от них ухожу. Женщина очень красива. Но не могу же я волочиться за каждой красивой женщиной. Даже если этого очень хочется. Напоследок прихожу в зал импрессионистов, поскольку к ним у меня особенно трепетное отношение. О, Мане! О, Дега! О! Гоген! Делаю по залу круги, причмокивая и пуская слюни. И на третьем круге меня тормозит красивая женщина в черном:

– Вы разве не знаете, что Ван Гог был сумасшедшим?

– Нет, не знаю.

– Да, все импрессионисты были сумасшедшими, вы разве не знаете?

– Нет, не знаю.

– Если вы не знаете, то не ходите в этот зал. Говорят, достаточно придти сюда три раза – и кто-то из импрессионистов сведет вас с ума. Лучше не рисковать, если не хотите сойти с ума.

– А я пришел сюда уже триста шестой раз. Но с ума не сошел, потому что дурак. А дурак может сойти лишь с глупости.

После этих слов девушка в черном отходит от меня и исчезает. Интересно, и почему это уже вторая красивая женщина пристает ко мне в течение часа. Ширинка на моих брюках, вроде бы, не растегнута. Наверное, я много улыбаюсь.

Оказывается, в Тамбове есть музей волка. Любопытно, а есть ли в Тамбове музей Баратынского?

Марсиане несомненно побывали в Петербурге, не зря же поле названо Марсовым.

Говорят, когда Пушкин Александр Сергеевич говорил: „Ай да Пушкин, ай да сукин сын“, – его мать потом с ним не разговаривала два месяца.

Это мне подсказал один умник. Для того чтобы избавиться от тараканов, необходимо прийти в место их скопления ровно в двадцать четыре часа по московскому времени и, не включая света, тридцать три минуты ругаться матом максимально громко и с чувством, поскольку тараканы – существа очень ранимые, они обидятся и уйдут искать более культурные пространства. В тот же день я прошел в полночь на кухню и в темноте тридцать три минуты выкладывал невидимым мною тараканам все, что я о них думаю, все, что наболело и накопилось за годы борьбы с ними. За тридцать три минуты я вылил столько словесной грязи на головы невидимых слушателей, что они (я так надеялся), в слезах и соплях, должны были подбегать к Финской границе. Я закончил, и могучий шквал аплодисментов ошеломил и оглушил меня. Под окнами моей квартиры собрались бомжи со всего района и бешено аплодировали мне.

Говорят, человек может лишь восемь минут слушать и понимать стихотворный текст. А я недавно слушал по телевизору выступление поэта Неклюева-Неблока, через две минуты после начала я отключился и проснулся только на следующий день.

Наконец-то позвонила Диана:

– Сашенька, здравствуй. Я только что приехала из Москвы. Командировка немного затянулась. Поздравляю с Рождеством и с Новым годом.

– Ах, Диана. Твой звонок – это самый лучший подарок для меня. Месяц без тебя казался мне вечностью.

– Я тоже скучала. Хотя работа была такой интенсивной, что ни на что другое не хватало времени.

– А я опять безработный. Поэтому времени на все хватало, даже на безумства.

– Но мужчина и должен быть немножечко безумным.

– Ну не больше чем женщина.

– В этом мужчина и женщина похожи.

– Ах, Диана, я так сильно по тебе соскучился, что хочу только одного – две тысячи раз в тебя кончить.

Диана смеется и приглашает меня в гости. Это царский подарок для меня, спавшего с женщиной в прошедшем месяце всего один раз. С огромной скоростью принимаю душ, одеваюсь и пулей выскакиваю на улицу. До метро бегу бегом, словно опаздывая на последний поезд. Через полчаса нажимаю на кнопку звонка, рядом с дверью Дианы. Дверь распадается, и я вручаю великолепной охотнице огромный букет красных роз. Диана довольна. С минуту мы смотрим друг другу в глаза, улыбаемся, а потом обнимаемся и целуемся. Она очень красива и очень здорово целуется. Мне повезло. Впрочем, у нее есть один недостаток – она умна. Но это пока не мешает нашим отношениям. От женщины приятно пахнет. Я имею в виду не парфюмерию, которую она использует, а ее родной запах изо рта, из подмышек, от кожи шеи, рук, груди, живота, ног, промежности /розы экстаза/. Я ищу, с чем бы сравнить ее запах и нахожу. От любимой, от неповторимой любимой моей опьяняюще пахнет цветами и травами полей. От великолепной охотницы и пахнет великолепно.

О, я и не заметил, как мы разделись! На Диане было что-то красное, на мне тоже что-то было. Но сейчас мы уже голенькие и возбужденные. Из магнитофона выливается негромкая классическая музыка. Кто-то из Моцарта или Бетховена. Диана встает на колени и начинает ласкать меня ртом. Это очень приятно и красиво.

Находятся говнюки, которые считает оральный секс противоестественным, потому что он не служит для продолжения рода человеческого. Но для продолжения рода служит осеменение самцом самки. И к сексу это не имеет никакого отношения. А секс – это красивый диалог между мужчиной и женщиной (или между мужчиной и мужчиной, или между женщиной и женщиной, уж это кому как нравится), приносящий удовольствие, диалог двух тел, позволяющий улетать в космос.

Я прерываю размышления, потому что едва не кончаю. Но кончать еще рано. Диана встает, и мы переходим в комнату. У стены – широкая кровать, укрытая красивым покрывалом. Диана ложится на спину и разводит ноги. Несколько мгновений я люблюсь. Потом встаю на колени и начинаю языком трогать ее большие и малые губки (у женщин на две пары губ больше, чем у мужчин) – влажные, скользкие и приятно пахнущие. Глаза Дианы закрыты. Она тихонечко постанывает и делает ритмичные движения бедрами и животом навстречу моему языку. Это еще сильнее меня возбуждает. Вместо языка я запускаю в женщину мой меч /фаллос/. Ощущения настолько сказочно-приятные, что я тоже закрываю глаза и начинаю тихонечко постанывать. Реальность исчезает... я плыву на лодке по летней реке. Вокруг тысячи поющих птиц и тысячи шелестящих деревьев. Над головой теплое ласковое солнце. И мне очень хорошо, потому что я люблю... я кончаю и кричу:

– Я люблю тебя, Диана!

– А я люблю тебя, Сашенька! – кричит мне Диана.

Секс – это удовольствие, испытать которое люди стремятся большую часть своей жизни. Секс – это искусство. Умные люди во все времена стремились к овладению тайнами этого искусства. В сексе царит закон отдачи: чем больше отдал, тем больше получил. Высшая форма секса – это искусный секс двух влюбленных людей.

Сегодня – четырнадцатое января. Уже целую неделю мы не вылезаем из кровати. Седьмого залезли и...! Да мы же половые гиганты! Впрочем, если уж быть точным, то раз в неделю мы выходили на улицу – покупать продукты. Потому что постоянно ели. Мы трахались и ели. Трахались и спали, и снова ели. Трахались и смотрели телевизор. А потом снова ели и трахались. И в таком режиме промелькнула неделя. А утром четырнадцатого я вдруг вспомнил о своем коте Боцмане. Бедняга Боцман, наверное, с голодухи сожрал свой шикарный хвост. Я попрощался с Дианой, решившей показаться на своей работе, и помчался домой, опасаясь обнаружить засохшего от голода четвероногого друга. Но опасения оказа-

лись напрасными. Боцман сумел открыть холодильник и скушал продукты, которых мне хватило бы на месяц. Живот кота стал вдвое больше, словно Боцман готовился родить десяток котят. А вот его слова, с которыми он всегда обращается ко мне, не изменились:

– Рыбы давай! Давай рыбы! Рыбы давай!

Я еще не встречал женщину, которая с удовольствием бы: стирала белье, мыла грязные полы и грязную посуду и готовила обеды. Скорее всего, не женское это дело.

Иногда я удивляюсь моим талантам. Раньше даже не подозревал, что способен на такое: у меня зачесался нос, я взял и неожиданно для себя самого почесал его языком. Затем засорился глаз, и опять я прочистил его языком. И лишь когда языком я освободил мои уши от серных пробок, пришло удивление, а после него восхищение: „У меня действительно великий и могучий русский язык“.

Пижон – это мужчина, у которого 3,1415... жен.

Я в хорошей физической форме. Преодолею недельный сексуальный марафон и не чувствую себя уставшим и опустошенным. Наоборот, чувствую себя на подъеме. Но Донжуан и должен трахаться. Так же как Отелло должен душить, а Нерон травить и поджигать. А самое приятное в этой истории – это то, что я опять влюбился. В такую женщину, как Диана, невозможно не влюбиться. Красива, умна, сексуальна. Ее приятно слушать, на нее приятно смотреть. Рядом с ней я чувствую себя обновленным. Любит импровизировать и в разговоре, и в сексе. У меня, конечно, было много женщин, но такой подходящей для меня не было никогда. Если я Орфей, то она Эвридика, если я Ромео, то она Джульетта, если я Одиссей, то она Пенелопа. Она моя вторая половинка. И вместе мы – гармоничная пара. И мы ощутили это с момента нашей первой встречи в Политехническом парке. Куда я зашел, как мне казалось тогда, случайно. А на самом деле меня вела судьба на встречу с Дианой, великолепной охотницей. И наша встреча состоялась, и мы не смогли пройти мимо друг друга. Диане тридцать лет. Она в расцвете сил. Два раза была замужем. Детей не имеет. Закончила академию художеств в Петербурге. Теперь она искусствовед. Обожает свою работу, также как секс, хорошую литературу и Петербург. Кстати, Петербург-хорошая литература-секс – это наши точки соприкосновения. Живет одна в однокомнатной квартире, недалеко от метро „Политехническая“. Впрочем, не одна, а рядом с котом Фаготом. И здесь мы похожи.

Мои размышления прервал ветер. Он сорвал с меня кепку и швырнул ее в лужу, а по луже проехал автобус. Искать кепку я не стал. Хрен с ней. Куплю новую. Тем более что старая не понравилась Диане.

В Петербурге мерзейшая погода. Плюс два. И сильнейший ветер. Снег почти растаял. Повсюду огромные лужи. Но мне нужно дойти до магазина. Иду по лужам и матерюсь. Мысленно. Он настиг меня в десяти шагах от магазина. Подкрался сзади и сильно ударил в спину. От боли у меня потемнело в глазах. Я спросил его:

– Как же тебя зовут?

– Остеохондроз, – ответил он и захохотал.

Болезнь одинаково неприятно и в десять лет, и в тридцать шесть, и в восемьдесят. Еще несколько мгновений назад человек был деятельным и веселым. Разговаривал, шутил, строил планы, трахался, работал, с удовольствием ел, с удовольствием спал, наслаждался работой своего организма и вдруг – БАЦ! Сломалась какая-то деталька, и все изменилось. Человек уже не шутит, не строит планы, не трахается, не работает, потому что ему больно. И чтобы избавиться от боли, необходим срочный ремонт. И чтобы избавиться от боли в позво-

ночнике, я иду к знакомому доктору. То, что он проделывает со мной, называется мануальной терапией. Это довольно болезненная процедура, но она мне всегда помогает. Я благодарю доктора сотней баксов и еду домой с одним желанием – поскорее лечь в кровать, уснуть и утром проснуться здоровым.

Один мой знакомый любитель секса /сексуальный любитель/ похвастался, что всю ночь напролет занимался сексом с тремя женщинами. Утром у него было такое состояние, словно он в одиночку разгрузил вагон дров. Я удивился: когда-то я разгружал вагон дров, но после этого у меня не было состояния, будто я ночь напролет занимался сексом с женщинами.

Знакомый Пушкиновед по увлечению и сантехник по работе рассказывал, что недалеко от угла Мойки (или Фонтанки, точно не помню) и Невского есть парадный подъезд, куда Пушкин Александр Сергеевич часто забегал по малой нужде, когда после шумного бала не мог дотерпеть до дома. И в подъезде его радостно встречал огромный черный кот, который, как цепная собака, бросался на всех, кроме Пушкина. И пока поэт облегался, кот ему и песни пел, и сказки рассказывал. А Пушкин потом прибежал домой и все записывал.

Ночью во сне выиграл в карты сто тысяч долларов. Играл с губернатором Петербурга. Раньше видел его только по телевизору. А теперь вот встретились во сне. Мы сидели друг напротив друга за круглым столом на вольтеровских креслах и играли в покер. Вообще-то в покер я играть не умею, но во сне у меня все получалось очень неплохо. Я был гроссмейстером, а губернатор всего лишь мастером. Я выиграл, и соперник, восхищенно глядя на меня и хлопая в ладоши, прокричал:

– Блестяще, блестяще, партия в стиле Алехина.

А потом пододвинул ко мне пачки долларов. Я взял деньги и направился к выходу.

– Может быть, еще партию? – предложил губернатор.

– В следующий раз.

Я открыл дверь и увидел темную воду Невы. На другом берегу – Исаакиевский собор и Медный всадник.

– Вам придется плыть, и вы погубите деньги. Оставьте их, я пришлю почтовым переводом, – сказал губернатор.

Я оглянулся, чтобы отдать деньги и вместо губернатора увидел Джек-пота, сидящего в вольтеровском кресле.

А потом я проснулся – и сразу позвонила мама:

– Александрик, детка, ты где пропадал целую неделю? Звоню – и никого нет.

Я рассказал ей о своем сне. И она сразу же начала его разгадывать:

– Выигранные деньги – это к хорошему. Река – препятствие. Собор и Медный всадник – духовные ценности. Игровой автомат – это, скорее всего, материальные ценности. Тебе нужно будет преодолеть препятствие, чтобы уйти от материального к духовному.

– Мам, а Фрейд истолковал бы этот сон по-другому. И собор бы он сравнил с пенисом.

– Александрик, ты же знаешь, я не люблю Фрейда, он был сексуальным маньяком, постоянно неудовлетворенным сексуально и сводящим поэтому все свои построения к половым органам. Ему следовало бы воплощать все свои сексуальные фантазии в жизни.

– Но тогда бы он не создал свою теорию.

– Теорию неудовлетворенного человека, конечно же, не создал бы. Зато создал бы теорию человека удовлетворенного.

– Мам, но удовлетворенные люди ничего не создают, кроме дерьма.

– А Иоганн Себастьян Бах? У него же все было.

- У него не было мужчины, о котором он страдал. Матфея.
- Александрик! Ты омерзителен, как и твой Фрейд.

И мама повесила трубку. Она очень любила Баха. Я тоже любил, но это не мешало говорить о нем все, что угодно было моему настроению.

По радио сказали, что в зоопарке недавно родившая свинья выкармливает заодно новорожденного тигренка (тигрица, видите ли, не захотела его кормить). Охотно этому верю, потому что у моего знакомого, в деревне, крыса, недавно родившая, выкармливала теленка, от которого отказалась корова, и теленок выжил. И сейчас он уже взрослый бык.

В прихожей зазвонил звонок, и я пошел открывать дверь. В квартиру втиснулась соседка Алиса Ольгердовна. Огромная женщина шестидесяти пяти лет. Однажды, когда мне еще было двадцать пять, я очнулся в ее объятиях, в ее постели. Каким образом меня туда занесло, не помню, потому что был пьян до „изумления“, но занесло, и отрабатывать пришлось по полной программе. Соседка потом лет пять, встречаясь со мной, требовала повторений, и мне не всегда удавалось отказать. Но после того как ей стукнуло шестьдесят, она утомилась и ко мне больше не приставала.

Сейчас в своих могучих руках Алиса Ольгердовна держала коробку:

– Алекс, это твое. В Новый год ко мне ввалился в жопу пьяный дед Мороз. И отдал этот стиральный порошок. Сказал, для Александра. Для тебя, значит. Я к тебе целый час звонила, но ты не открыл, наверное, кого-нибудь тискал, шалун. И потом на неделе несколько раз звонила, но никого. Ты, наверное, опять в командировку на Марс улетел. Но порошок тебе хреновый подарили, самый дешевый. Я когда стирала белье, то один пакетик использовала. Пены почти нет, не отбеливает и жирные пятна не отмывает. Пришлось в магазин бежать „Лотос“ покупать. Тот, наверное, подороже твоего, но зато все отстирывает.

Соседка отдала мне вскрытую коробку и ушла. А я вначале хихикал, потом хохотал, затем ржал на всю квартиру минут десять. Оказывается, „дешевым“ порошком-кокаином белье не отбеливают, он не дает пены и не отмывает жирные пятна.

Выходит, без меня приходил еще один (двенадцатый) в жопу пьяный дед Мороз. И на моем балконе теперь около восьмидесяти килограммов кокаина. Любопытно, и чем же это закончится? Может быть, стоит расслабиться и уехать в кругосветное путешествие?

Смотрел по „ящику“ шоу с мыльными пузырями. Артист надевал мыльные пузыри на ведущего. Когда пузырь лопался – ведущий смеялся и хлопал в ладоши, как маленький ребенок. В конце артист похвастался, что в его будущей программе он будет натягивать пузыри на слона. Но это мелочь рядом с мыльными пузырями, которые Ленин натягивал на Россию.

Зашли с бывшей женой в кафе, перекусить /в смысле – пообедать/. Взяли две пиццы с курицей и два кофе. Сели за столик. И тут к нам подбежала бродячая собака (по внешнему виду). Отломили ей половину пиццы и угостили, чтобы бедняжка-дворянка не умерла с голоду, но собака понюхала угощение, брезгливо сморщила нос и отошла. Инна тут же предположила, что собака дворянских кровей. Но когда мы откусили по кусочку пиццы, то сразу же сообразили, что собака просто не любит есть дерьмо.

У моей соседки по лестничной площадке живет огромный черный дог по кличке /по имени/ Отелло. И когда соседка, нестарая незамужняя женщина, выводит его на прогулку, то хрычовки, круглый год сидящие на скамеечке у подъезда, обязательно скрипят ей в спину: „Опять Маргарита пошла своего супруга выгуливать“.

Мой знакомый грибоедовед по увлечению и грузчик по работе рассказывал, что Грибоедов Александр Сергеевич считал день потерянным, если ему не удавалось откусать грибов. Однажды, приехав в Москву, он зашел пообедать в ресторан, а там грибов не было, тогда он зашел в другой – и там грибов нет; в третьем – тоже нет, и после тринадцатого фиаско / пролета/, Грибоедов произнес слова, ставшие потом знаменитыми: „Вон из Москвы, сюда я больше не ездки!“

С грибами же связано и начало литературной деятельности Грибоедова. Как-то он сходил в лес за грибами и вместо подосиновиков набрал мухоморов. Дома их поджарил и съел. После этого Грибоедов, почувствовав себя не в своей тарелке, заперся в туалете и создал „Горе от ума“.

Сегодня купил книгу Пастернака „Доктор Живаго“. Давно хотел ее прочитать. Мне очень любопытно, по делу за нее дали Нобелевскую премию или не по делу. Брожу по „Дому книги“ и смотрю, что бы еще прикупить. И вдруг ко мне подходит мужчина с удивительно знакомым лицом. Это лицо я видел множество раз, но не могу вспомнить, кто же это такой. Вероятнее всего, кто-то из моих многочисленных родственников. Ему немного за пятьдесят. Стройный симпатичный брюнет в красивом пальто и шикарных ботинках. Он подходит ко мне, улыбаясь, и говорит:

– Привет, Александр, ты не изменяешь своим привычкам. Пятнадцатого числа каждого месяца обязательно приходишь в „Дом книги“ за очередной неузнанной тобой еще книгой.

– Здравствуй, не могу вспомнить, как вас зовут.

– Меня тоже зовут Александром. Не переживай, мы очень хорошо знакомы, поэтому можешь на „ты“.

– Хорошо.

– Поздравляю, ты бросил пить.

– Но откуда вы это знаете?

– Я о тебе все знаю. Зайдем в кафе. Выпьем чая. Ты ведь любитель хорошего чая. А на Садовой, недалеко от Невского, подают очень даже неплохой чай.

Мы выходим из „Дома книги“ и идем в сторону Садовой. Мужчина одного со мной роста. Ширина шага такая же, как и у меня. Он тоже прихрамывает на левую ногу. И так же размахивает руками. У него мое лицо. Только более зрелое. Лицо пятидесятилетнего. И мои глаза.

– Скажите, а сколько вам лет?

– Шестьдесят семь. – Мужчина довольно улыбается. – Я всегда выглядел моложе своих лет.

– Я тоже.

– А я об этом знаю. Я о тебе все знаю.

– Если вы все обо мне знаете, то скажите: издадут мой роман или нет.

– Судьбу твоего первого романа я знаю, но ничего о ней тебе не скажу, потому что независимо от моего ответа ты все равно будешь писать (в смысле – ручкой по бумаге).

Мужчина улыбается. Мы заходим в кафе и заказываем чай. Он действительно хорош.

– Знаете, а я догадываюсь, кто вы. Но это невозможно.

– Очень даже возможно. Например, Хорхе Луис Борхес встречался сам с собой. И это не исключение.

– Если вы – это я, то скажите, где находится моя любимая родинка.

– Она на правой ягодице Дианы.

Мы смотрим друг другу в глаза и улыбаемся. Затем я задираю рукав своей куртки, на левой руке между локтем и кистью открываю крупный шрам, похожий на молнию. Мужчина, в свою очередь, тоже задирает рукав пальто и оголяет точно такой же шрам на своей левой

руке. От таких совпадений моя голова начинает кружиться, словно мы пьем не чай, а водку, я решаю рискнуть и спрашиваю:

- Подскажите, Александр, а что мне делать с порошком? Я хочу рискнуть и боюсь.
- Сохраняй чувство юмора, дружище, оно тебе пригодится, и наслаждайся жизнью.
- Даже тогда, когда стучат по голове сучковатой палкой?
- Если ты не дурак, то в этот момент на твоей голове будет находиться каска.

Я улыбаюсь и говорю:

– Знаете, Александр, вы на тридцать один год ближе меня к финишу, поэтому тоже сохраняйте чувство юмора, дружище, оно вам пригодится у финиша.

– Спасибо.

В этот момент на улице сталкиваются два автомобиля. Я отворачиваюсь к окну. Никто не пострадал. Но водители выскочили наружу и начали драться. Я поворачиваюсь обратно к собеседнику и никого не обнаруживаю.

Мужчина исчез. Лишь на столе осталась его наполовину выпитая чашка с чаем, а рядом с ней небольшой листок бумаги, свернутый в трубочку. Я перегибаюсь через стол, хватаю эту трубочку, разворачиваю ее и читаю предложение, написанное моим почерком: „Писатель не имеет права на бессмысленную жизнь, так же как бомж“.

Сегодня ко мне в гости заходила Мэрилин Монро. Да, да, та самая красивая американская крашенная блондинка. Она приятная женщина, но не совсем в моем вкусе. Кто-то говорил по телевизору, что она умерла. Но по телевизору много чего врут. Наврали и здесь. На самом деле она жива и здорова. Рассказывала мне, что Америка ей надоела хуже горькой редьки. Поэтому она и приехала в Петербург в поисках интеллектуальных приключений и настоящих мужчин. Угостил ее водкой с медом. Потом читал ей стихи Иннокентия Анненского. Потом занимались с ней сексом. Оказалось: она не хуже моих бывших жен.

Лучше женщин могут быть только женщины, которых еще не ласкал.

В прихожей загремел звонок. Я открыл дверь, и мне стало не по себе. Все, допрыгался, дошутился мальчик. Теперь я вряд ли что-то смогу сделать по собственной воле. На лестничной площадке стоял наш участковый инспектор милиции капитан Орлов. Огромный мужчина. Я тоже мужчина не маленький, но участковому утыкаюсь носом в грудь. Он подмигнул мне и забасил:

– Привет, Шурик, вынеси скорее чистый стакан и луковицу, неочищенную. Мне нужно срочно остограмиться, а потом – бегом на работу.

– Может, зайдете и остограмитесь у меня? – предложил я, протягивая ему то, что он просил.

– Нет-нет, на беседы нету времени. В следующий раз.

Он схватил пустой стакан, луковицу и ушел. А я закрыл дверь и вытер со лба обильный пот. Я не трус, но испугался сильно. Даже ноги задрожали. И началась революция в животе. Пришлось бежать в туалет.

С капитаном Орловым лучше жить в мире. Его сын умер от передозировки наркотика. И с тех пор капитан ненавидит наркоторговцев. Ну что бы я ему рассказал о происхождении восьмидесяти килограммов порошка на моем балконе? Это, мол, подарок от деда Мороза на Новый год. После этого я бы поехал в тюрьму (в лучшем случае). А в худшем, если бы у капитана была в это время нехватка алкоголя в крови, я бы схлопотал пулю в колено, как один мой знакомый Фархад, схлопотавший пулю в колено за пятьдесят граммов дури для себя. И Орлова, который в это время был полковником, разжаловали в капитаны. Но он от этого стал еще злее.

Говорят, чтобы акула вела себя спокойно и мирно, ее необходимо перевернуть вниз спиной и, нежно поглаживая ладонью по хвосту, прошептать на ушко десять раз: „Милая моя, солнышко морское!“ – (если успеешь, конечно).

Кстати, о трусости и смелости. Когда я пил, то ничего не боялся, был безрассудным на двести процентов. Однажды меня, пьяного, выбросило с корабля в море. Это событие так сильно меня восхитило, что я впервые в жизни начал сочинять стихи. Они изливались из меня, как из рога изобилия. Я лежал на спине, смотрел на звездное небо и сочинял-читал одно стихотворение за другим. Стихи мне казались бессмертными шедеврами. Но, к сожалению, я ни одного не запомнил и не записал. До ближайшего берега было больше двухсот километров. На моем корабле никто не заметил моего исчезновения, и поэтому корабль продолжал удаляться от меня со скоростью тридцать узлов. Но я совершенно не боялся, потому что в эти мгновения мне было очень хорошо. Вода была теплой, море – спокойным, коньяк в моей фляжке – высшего качества, стихи, залетевшие в мою голову, прекрасными. Я читал их громко и красиво. Время летело незаметно.

И вот, когда я заканчивал очередное стихотворение о незнакомке и о пьяницах с глазами кроликов, до меня вдруг донесся чей-то голос:

– Александр Александрович, держитесь, я спешу к вам на помощь! Держитесь!

И из темноты вынырнула яхта, с нее мне бросили конец (в смысле – веревку). Я схватился за него и взобрался на палубу яхты. Ее хозяином оказался американский пенсионер, сын русского эмигранта Джон Борисов, в одиночку совершавший кругосветное путешествие. Джон был пьянее меня. Что-то в его мозгах заклинило, и он был уверен, что сейчас начало двадцатого века. Я же казался ему Александром Блоком, его любимым поэтом. Джон, восхищенно глядя на меня, бормотал:

– Ах, Александр Александрович, то, что вы читали – превосходно. Я знаю наизусть все ваши стихи, но те, что вы сейчас читали, еще более превосходны. Но зачем же вы заплыли так далеко?

Я решил не разочаровывать Джона:

– Знаете, я всегда перед тем как сесть за стол и начать творить, проплываю десяток-другой миль, чтобы разогреть кровь до кипения.

– Но зачем?

– Кипящая кровь мне необходима для того, чтобы я не замерз в ледяном мире вечных идей.

– Но зачем вам этот мир?

– Без контакта с этим миром я бы ничего не написал, в смысле не создал.

Джон улыбается:

– Ах, Александр Александрович, как это красиво звучит: кипящая кровь в ледяном мире вечных идей. За это надо выпить.

– Да, пожалуй, надо выпить, – говорю я и достаю из карманов фляжку с недопитым коньяком. А Джон достает недопитую бутылку виски. Мы чокаемся и пьем, каждый из своего сосуда. Потом мы обмениваемся емкостями и пьем уже за яхту хозяина „Линду“ – его самого близкого друга. Потом мы пьем на брудершафт, целуемся и поем хором песни из репертуара „Битлз“, хотя я по-английски не знаю ни одного слова. Потом мое сознание отключается, и в себя я прихожу в самолете, летящем в Россию.

Оказывается, чтобы приготовить настоящий гамбургер, необходимо мясо гамбургской крысы, а не петербургской (иначе получается *петербургер*).

Подавая милостыню нищему, я подаю себе, и мне жалко себя, нищего, и я кладу в протянутую ладонь нищего рубль, пятерку, сотню, а когда деньги заканчиваются, я вдруг понимаю, что кроме денег, ничего больше дать не могу, даже доброго слова и того нет.

Зашел сегодня в парикмахерскую, потому что надоели длинные черные волосы. Попросил мастера подстричь меня под Юлия Цезаря. Потрясающе! Я и не подозревал даже, что Юлий Цезарь был наполовину лысым и рыжим.

Неделю назад сломали нижнюю часть мусоропровода в моем подъезде. Кто-то выломал дверь и оторвал мешок-приемник для мусора. И весь мусор вылетал из трубы и скапливался прямо у дома. За неделю образовалась гора до второго этажа. А когда я пошел в ЖЭК выяснять, где же дворник, который обязан этот мусор убирать, мне объяснили, что он уехал на Канары в свадебное путешествие и появится через неделю. К тому времени гора мусора дорастет до четвертого этажа. Хорошо, что я живу на шестом. Но если дворник задержится на Канарах на две недели, то мусор доберется и до меня.

Сегодня Крещение. На улице крещенский мороз плюс два. Позвонил Диане, а она, оказывается, заболела и не хочет никого видеть. Даже меня. Я купил букет роз, бананов с апельсинами, банку меда, бутылку водки и приехал к ней в гости. Она, действительно, болеет. Глаза слезятся, нос заложен, чихает каждую минуту, жалуется на головную боль и температуру. Но мне все равно обрадовалась. Правда, целоваться отказалась. Боится меня заразить.

– Сашенька, Сашенька, я же ходячая инфекция, не надо меня целовать.

– Но я поцелую хотя бы твои руки.

– Ну, руки можно, я их только что вымыла. А розы красивые.

Я целую ее красивые руки, а Диана нюхает красивые розы. Из комнаты выплывает небольшое серое облако – кот Фагот. В прошлый раз я его не видел. Наверное, он у кого-то гостил, во время хозяйкиной командировки. Фагот нюхает мои носки, чихает и начинает тереться о мои ноги. Я смеюсь:

– Фаготу, похоже, очень нравится запах от моих носков.

– Да нет, просто ты пришел на его территорию и он тебя метит.

Мы идем на кухню. На Диане короткое платье в обтяжку, позволяющее любоваться ее стройными ножками и великолепной „сладкой“ попкой. Попка настолько хороша, что я не могу не погладить ее. Мне очень повезло, если я могу трахать такую красивую женщину. Диана что-то рассказывает о своей работе, а я смотрю на нее, возбуждаюсь и готовлю ей горячий чай с медом и водкой. В двести граммов чая добавляю сто граммов водки и две столовых ложки меда. Перемешиваю все это в большом бокале. И начинаю поить больную. Она не сопротивляется. Потому как уже знает, что со мной в подобных ситуациях спорить бесполезно. Она пьет и хвалит:

– Очень вкусно. Нужно было тебя пригласить еще вчера, после того как меня продуло на остановке. Ты мой доктор Айболит. Нет – Авиценна. Нет – Гиппократ.

– Да! Я Айболит Авиценнович Гиппократов. Но не догадывался о своей сущности и работал: то грузчиком, то плотником, то инженером. А на самом деле я должен всегда лечить любимую женщину.

– Сашенька, не целуй меня так страстно. Мои соски окаменели. Я тебя еще не успела огорчить. Милый мой доктор, у меня начались месячные.

– У-у-у-у!

Я замычал как голодный теленок, от которого отобрали мамино вымя. А Диана засмеялась:

– И ртом я ничего не смогу сделать. Потому что беспрерывно чихаю.

– У-у-у-у! – продолжаю мычать я.

Да, действительно, у меня сегодня маленький пролет, в смысле маленькая неудача. А я настроился на большой секс до утра. Свеча на столе. Классическая музыка из приемника. И наши стройные и сильные тела, ласкающие друг друга – то на кровати, то на стуле, то на полу, то в ванной. „Диана, любимая!..“ „Любимый! Сашенька!.. Как же мы жили друг без друга? ...“ „Я только минуту назад кончил и хочу снова...“ „Я молилась бы на твой стоящий член, он похож на Будду“. „Ночь такая короткая, мы не прошли даже и половины намеченного пути...“

А на самом деле /в реальности/ я захожу в ванную, достаю свой стоящий, гудящий от напряжения меч и, немного помастурбировав, эякулирую в раковину, прямо под струю льющейся из крана воды. Обидно! Каких джигитов топлю!..

Очень приятно, когда женщина снизу. Очень приятно, когда женщина сверху. Очень приятно, когда женщина сбоку. Тем более приятно, если рядом с ней – ты.

Вчера пил пиво с черным (по внешнему виду) колдуном. Он по-русски разговаривает не хуже, чем мой попугай Бахус. После выпитой десятой кружки, он за десять баксов /долларов/ продал мне баночку чудодейственной мази для ухода за кожей лица. Колдун объяснил, что втирать мазь необходимо каждое утро, не обращая внимания на неприятный запах – тогда через две недели благоприятный результат будет на лице. После пятнадцатой выпитой кружки он раскрыл мне состав этой чудо-мази. И хотя это была тайна их семьи, передаваемая от отца к сыну многие столетия, но ко мне он проникся таким огромным доверием, что раскрыл свою душу, и оттуда выпорхнула эта тайна. Вот она: необходимо полкилограмма дерьма черных кошек, полкилограмма дерьма черных собак, полкилограмма дерьма черных птиц, полкилограмма дерьма черных людей – все это тщательно перемешивается в серебряном сосуде серебряной палочкой в течении одной ночи, при полной луне. И продукт готов к употреблению.

Это рассказывал мой знакомый гоголевед по увлечению и крановщик по труду: оказывается, Николай Васильевич Гоголь очень сильно гневался, когда ему в руки попадалась скучная и бездарная книга. Обычно, прочитав ее до конца, он рычал: „Какая ерунда, блин!“ – и бросал книгу в огонь камина. Так же он поступил и со второй частью „Мертвых душ“.

Если вы хотите посмотреть список нескромных людей Петербурга, то приезжайте на малую Конюшенную улицу, найдите там памятник Николаю Васильевичу Гоголю и на одной из граней постамента, за спиной писателя, вы обнаружите этот милый список нескромных людей. Хорошо еще, что они не изобразили своих фамилий на чугунной заднице мастера.

Закончились деньги. Впервые в этом году. Двадцать дней в январе я прожил без забот. Хорошо питался, ходил в музеи и театры, делал любимой женщине небольшие подарки, – типа французских духов и красивого женского нижнего белья; нищим и то раздавал червонцы. А сегодня утром руку в карман засунул и... нету больше халявных денежек. Обидно, блин. Опять бегать в поисках работы, а найдя, получать гроши за каторжный труд. Надоело. Может, взять с балкона пакетик порошочка и загнать его на черном рынке по дешевке? И тогда несколько месяцев я смогу ни о чем не волноваться. Обедать буду в ресторане, ездить – на такси, курить – гаванские сигары, пить – французский коньяк, трахать – валютную проститутку. Но такие перспективы пугают меня так сильно, что я залезаю в ванну и принимаю контрастный душ. Холодно-горячо-холодно-горячо-холодно – и раздражение исчезает, а искушение уходит. Я снова умненький-благоразумненький, как Буратино, создавший тео-

рию относительности. Я шевелю ногами и вдруг вспоминаю, что очень давно не играл с Джеком Потрошителем в азартные игры. Несколько раз в прошлом году я у него выиграл. В этом году мы еще не встречались (разве что во сне). Но чтобы выяснить: играть или не играть, – мне необходимо бросить жребий. Я намазываю тоненький кусок хлеба с двух сторон толстыми слоями сливочного масла и подбрасываю бутерброд в воздух. Если он приземлится маслом к полу, то игры не будет. Бутерброд встает на ребро. Джек Потрошитель зовет меня. И я предчувствую его поражение. Быстренько одеваюсь и бегу на свидание с игровым автоматом.

На последние деньги покупаю жетоны, делаю максимальную ставку и получаю максимальный выигрыш. Но Герман играл три раза. И два раза был в выигрыше. Я делаю еще одну максимальную ставку, и еще один максимальный выигрыш погружается в мой карман. Двадцать шесть тысяч рублей за полчаса, если начинать считать время с момента приземления бутерброда на пол. В третий раз играть не стал, потому что я не Герман, а Александр. А за такой приличный выигрыш Александру необходимо что-нибудь выпить.

Захожу в кафе. Помещение такое миниатюрное, что кроме меня туда не влезло бы больше четырех взрослых человек. Я радуюсь, что в кафе больше нет посетителей, пью кофе и чувствую себя Остапом Бендером, раскрутившим Корейко на миллион. Лед тронулся. Командовать парадом буду я. И в этот момент в маленькое кафе вошел такой огромный толстяк, что для меня места не осталось. Гигант придавил меня к стене с такой силой, что в глазах у меня потемнело, я закричал от боли и на несколько секунд потерял сознание. Очнувшись, я начал материться. А толстяк прохрюкал:

– Ах, простите, я не заметил.

И вышел на улицу. А я, отдышавшись, решил купить новый кофе, так как старый пролил. Сунул руку в карман и, не обнаружив там ни копейки, выскочил на улицу, почти сразу вслед за толстяком, секунд через семь, крича на весь Петербург:

– Стой, сволочь!!!

Но никакого толстяка не обнаружил. Лишь одна маленькая девочка прыгала через скалку и больше никого до самого метро. До метро я домчался за двадцать секунд, преодолев не менее двухсот метров. За десять секунд слетел по эскалатору. Но на поезд не успел, не добежав до последнего вагона метров пяти. Поезд тронулся перед моим носом, а в последнем вагоне огромный толстяк танцевал лезгинку, держа в зубах толстую пачку моих денег, впрочем, уже не моих. Если бы я не видел все это своими глазами, то никогда бы не поверил, что такая масса жира может так быстро бегать.

Странно, но прошло всего лишь двадцать минут с момента моего чудесного выигрыша, а я уже опять без копейки в карманах. Сегодня явно не мой день.

Трудно сказать, где вода гаже, – в Мойке, в Фонтанке или в канале Грибоедова.

„Боже мой, да что же этой суке было надо?“ – этими словами меня встретил на улице мой приятель по кличке Васька-Импотент, от которого ушла очередная жена. „У нас же все было: и дом – полная чаша, и поездки в любые страны, и все сексуальные игрушки, и драгоценная дребедень, и зависть всех ее подружек, и мое постоянное внимание, и мои комплименты ее красоте. Она просто неблагодарная сука, Господи!“

Устроился работать грузчиком в продовольственный магазин. Нас в бригаде пять человек. И только у одного меня – одно высшее образование. У троих ребят – по два, а у бригадира целых три. Поэтому меня взяли пока временно. Хотят удостовериться, смогу ли я с одним высшим образованием правильно разгружать и нагружать фруктами и овощами грузовые автомашины. Работа неплохая, а главное, перспективная. Во время рабочего дня мне

разрешено съедать овощей и фруктов столько, сколько в меня влезет, а если будет настроение, то и в два раза больше. И так можно работать до самой пенсии. Шикарная перспектива!

Если бы Дарвин регулярно занимался физическим трудом, он превратился бы в обезьяну и не создал бы никакой теории.

Прихожу домой, а на двери моей квартиры приколотая кнопкой записка. Я ее разворачиваю и читаю: „Если вы хотите получить своего котика обратно, то занесите в квартиру № 100 двести долларов“. Захожу в свою квартиру и минут десять ищу Боцмана. Он, похоже, открыл окно и пошел прогуляться по подоконнику. Иду к соседу, в квартиру № 100. Сосед, обрусевший китаец, Виктор Дзедун улыбается мне как лучшему другу, крепко жмет мою руку и рассказывает:

– Знаете, Александр, у меня сегодня день рождения. Пятьдесят лет исполнилось. И вечером придут друзья и родственники, человек тридцать.

– Поздравляю.

– Спасибо. И вот я приготовил для гостей праздничный ужин. Я много чего приготовил, но главное блюдо – это мой фирменный салат из вареных в вине лягушачьих лапок с овощами.

– А укроп туда добавляете?

– Нет. Он бы все испортил. Так вот, для приготовления салата я использовал пять килограммов лягушачьих лапок.

– А какое вино вы использовали?

– Красное. Так вот, ваш милый котик залез ко мне в комнату и сожрал весь салат на тридцать персон.

– Боцман жив?

– Конечно, жив. Он хотел скушать еще и маринованных змей, но я не позволил, я запер его в спальне. Да, на приобретение лапок пошло двести долларов. Будьте добры их мне возместить.

– Хорошо. А вы не могли бы одолжить мне двести долларов на три дня?

– Пожалуйста.

И Виктор достает из кармана пачку долларов, отсчитывает двести и протягивает мне.

– Спасибо, – говорю я, беру деньги и протягиваю их обратно:

– Это двести долларов за Боцмана.

Сосед забирает деньги и отводит меня в комнату, где лежит на диване мой милый котяра. Впервые в жизни он не встречает меня криками: „Давай рыбы! Рыбы давай!“ Его живот так безобразно раздулся, что лапы висят в воздухе. А Виктор идет за мной и советует:

– Кошек нужно регулярно кормить, два раза в день.

– Но я кормлю пять раз в день и три раза ночью.

– Поэтому он и чувствует себя голодным и ищет приключений.

– Просто он не может отказаться от лягушачьих лапок. Как алкоголик от стакана вина, а курильщик от сигареты. Если бы на вашем столе лежало десять килограммов – он бы умер от передозировки. Да, Виктор, одолжите еще сто баксов. Я вызову скорую помощь. Пусть-ка они промоют ему желудок.

Виктор дает мне деньги, и я ухожу.

Оказывается, больше всех в мире дров продает Финляндия. А я думал, что Монголия.

Мне нравятся картины импрессионистов. Если бы я был художником, то работал бы в их стиле. Для меня картина Ван Гога – это таинственная бездна, которая зовет, пугает и

очаровывает. В нее /в бездну/ вполне можно прыгнуть и не вернуться. Рядом с этой картиной тревожно, потому что чувствуешь присутствие нечеловеческого мира. А картина – просто вход в этот мир, вход, закрытый для „слепых“ и открытый для чувствующих искусство.

Еду в трамвае. Рядом со мной садится мужчина лет тридцати. Кладет мне на колени брошюрку „Радуйся семейной жизни“ и журнал „Сторожевая башня возвещает царство Иеговы“. Узнав, что я женат, начинает мне рассказывать: " Лучше блюдо зелени и при нем любовь, нежели откормленный бык и при нем ненависть»; «Лучше кусок сухого хлеба, и с ним мир, нежели дом, полный заколотого скота, с раздором»; «Мужья, любите своих жен, как свои тела»; «Жена же должна уважать мужа своего»; «Супружество должно сохраняться в чистоте между супругами».

Эти фразы меня настолько растрогали, что я тут же рассказал мужчине о моем пятнадцатилетнем семейном опыте, о моих двадцати одной жене, о нашей с ними любви и о маленькой зарплате, о трудной мужской доле в семейной жизни, об алкоголе, мешающем жить, и о презервативах, которые рвутся. Я красиво говорил примерно полчаса, не давая мужчине возможности что-либо вставить между моими предложениями. Жалко, что он не доехал со мной до кольца. Освободившись из моих крепких дружеских объятий, он выскочил из трамвая, крикнув: «Бог тебя накажет!» А я успел отпарировать: «Бог и насилие несовместимы!»

Бог вообще-то один, только имена у него разные. Одни его называют Бахус, другие – Вакх, третьи – Дионис, но суть его от этого не меняется.

Интересный все-таки у меня организм. Если я не кончу в течение дня хотя бы один раз, то ночью буду часами вращаться в постели. Не усну, пока не найду женщину или не разряджусь вручную. И это не дурная привычка, как мне намекают многие специалисты, а естественная потребность организма. А вот Казанове требовалось кончать не менее двух раз в сутки, и если этого не происходило, то он по собственной инициативе нарывался на неприятности типа дуэлей и скандалов. Кстати, природа подарила Казанове не только выдающиеся физические возможности, но и натуру поэта. Он был классным секспозетом. А для настоящих женщин это качество перевешивало все остальные недостатки. Обидно немного, что он не догадался соорудить книгу с описанием своей сексуальной техники, типа Кама Сутры. Может быть, это необходимо сделать мне, преданному сексу до последней капельки спермы?

Если бы у людей отняли секс, то мужчины и женщины жили бы в различных государствах.

Некрасивая, похожая на паршивую овцу, женщина лет шестидесяти, при первом взгляде на которую мне захотелось закрыть глаза и задержать дыхание, попросила починить на ее доме за городом крышу. Я – без денег. Поэтому назвал цену за работу выше средней. Женщина засмеялась, показав свои гнилые зубы, и сказала:

– О, Александр, денег у меня нет, но я могу заплатить натурой.

– И что же вы предлагаете мне в качестве натуры?

– О, Александр, вы можете заниматься со мной сексом столько, сколько вам захочется.

А в перерывах вы почините мне крышу.

– Но я же не доктор и не смогу починить вашу крышу.

– А кто же вы, Александр?

– Я дворник шестого разряда.

Женщина больше не улыбалась:

– А мне порекомендовали вас как плотника.

– Но вам же необходимо чинить кровлю, а плотник и кровельщик – это совершенно различные специальности.

– А мне кажется, что у вас просто не стоит. Поэтому вы и говорите всякую ерунду.

– Вы угадали.

– О, я очень проницательная женщина в расцвете сил.

И женщина ушла, а я порадовался за себя, что больше не пью. В пьяном состоянии я бы наверняка согласился на ее предложение.

Как-то одна проститутка выпалила мне в сердцах: «Я тебе не блядь какая-нибудь!»

Если женщина мне не нравится, если я не хочу эту женщину, то это однозначно означает, что передо мной не женщина, а некрасивый мужчина.

Сегодня Татьянин день. Позвонил Диане, хотел поздравить, я ее поздравляю со всеми праздниками и не праздниками, но никто трубку не поднял. Я выждал до двадцать первого гудка и опустил трубку. И сразу же позвонил мой приятель Марат. Предложил хорошую работу на сутки. Его знакомый сегодня едет в Москву, и ему нужен человек, который будет нести его сумку от Московского вокзала в Петербурге до Ленинградского вокзала в Москве. И за это он платит пятьсот долларов. Я поинтересовался у Марата, почему же он сам не берется за столь выгодную работу. Марат посмеялся и рассказал, что он сегодня сопровождает из Петербурга в Москву брата этого знакомого. Тоже несет сумку. Но они летят самолетом. И он (в смысле – Марат) получает две тысячи баксов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.